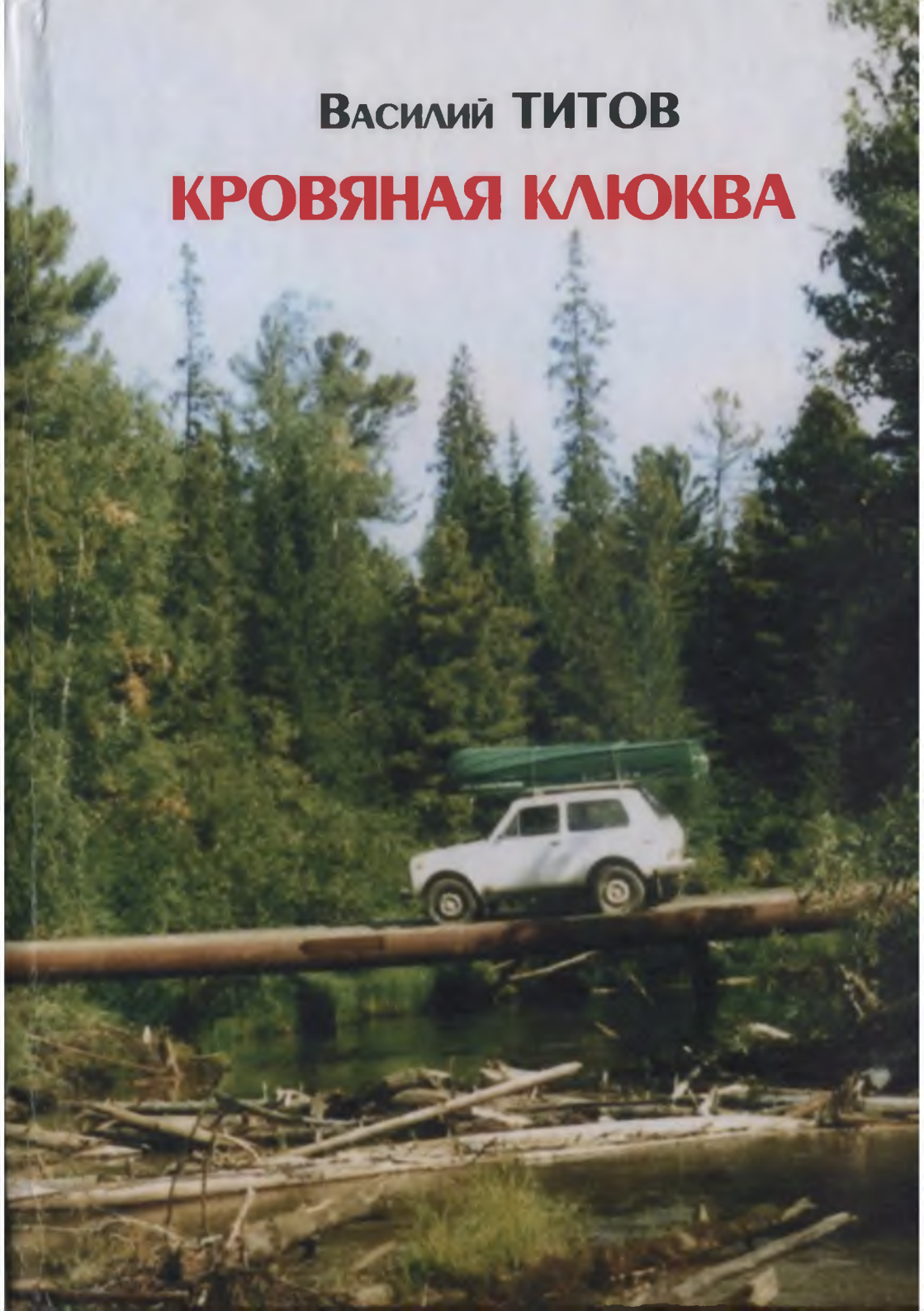

ВАСИЛИЙ ТИТОВ

КРОВЯНАЯ КЛЮКВА

Василий Титов

КРОВЯНАЯ КЛЮКВА

Тольятти 2022

УДК 82-3

ББК 84

T45

T45

Титов, Василий.

Кровяная клюква / Василий Титов. – Т.:
Литературное агентство В. Смирнова, 2022. –
192 с., 32 с. вкл.: ил.

В сборник русского поэта Титова В.А.
вошли стихи, написанные в разные времена.

В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© В. Титов, 2022

© Литературное агентство В. Смирнова, 2022

Автобиография

Я, Титов Василий Александрович, родился в селе Первая Ханенёвка Базарно-Карабулакского района Саратовской области в 1950 году.

Будучи школьником, два сезона работал помощником комбайнера.

После окончания средней школы и ПТУ работал плотником на стройке.

После службы в морской авиации Тихоокеанского флота восемь навигаций работал электромехаником на грузовых судах (буксирах-толкачах) Волжского пароходства.

Окончил Самарский речной техникум – вечерне-заочный филиал в г. Тольятти.

Последние 26 лет перед выходом на пенсию жил и работал электромонтером в г. Ноябрьске Ямало-Ненецкого округа.

В 2007-2021 годах проживал по временной регистрации в Алексеевском районе Татарстана. В настоящее время проживаю в городе Тольятти.

Публиковался в производственной газете «Большая Волга», в городской газете «Северная вахта», в православной газете «Храм», в журналах «Ноябрьск литературный», «Сибирские истоки» (г. Ноябрьск), «Аргамак» (Татарстан), «Волга – XXI век» (г. Саратов).

Вот и все... Как сказал классик: «Ворочусь я в отчий дом – // Жил и не жил бедный странник...»

30.11.2021

Мечтатель с душою матроса

О поэзии Василия Титова

Отрада садов и отвага ботвы,
И Кама с накатом вопросов:
Ты помнишь себя?
Не устал, не отвык.
Мечтатель с душою матроса?

Эти стихи определяют поэзию автора книги Василия Титова. И не только поэзию, но и жизнь: в книге привлекает именно ее живая интонация, энергия, ощущаемая в каждом стихотворении:

Волга пестует флот,
Веря в скупоречивых,
В море, за море шлет
Самых нетерпеливых.

Лишних здесь не берут,
Будет каждый испытан,
Ты одет и обут,
Но душа не прикрыта.

Рвутся волны, круты,
Рукоплеском оваций,
В честь влюбленных в винты,
В паруса навигаций!..

Стихов в сборнике немного (и это хорошо), все они пережитые и выстраданные. Этот сборник для автора первый, стихи выстраивают судьбу, то есть это книга, осмысляющая жизнь.

В настоящее время редко встретишь поэтов, умеющих писать четкие, сюжетные, лаконичные стихи. У Василия Титова это умение есть. Вот, например, стихотворение «Возвращение»:

Шмякнулась ночь мешком со спины,
Солнце встает над пакгаузом.
Мы восхищаемся тайной зимы –
Чистым улегшимся парусом.

Нарисован образ зимы, бескрайних снежных просторов – необычный своим сравнением с парусом. Эти «речные» образы автору близки и родны, и все сравнения и другие художественные средства вырастают именно из изображения Волги, живого осмысления ее образа.

Идем мы по Волге, а Волга не спит,
Как счастье влюбленных, как память России.

Волга для автора – это нечто всеохватное (и любовь, и память, и родина), но это не символ вообще, не образ отдаленно-мечтательный, а действительно Волга, которую автор знает и любит, и не просто и не только как житель города на этой реке, а как настоящий речник.

«Город на Волге» - прекрасное стихотворение, редкий случай, когда стихи, посвященные городу, написаны в приподнятом романтическом ключе, и город узнаваем, и образность присутствует в этом стихотворении.

В книге постоянно звучит мотив возвращения:

...Как связной, иду к прозренью, –
Ветер на мосту, –
Город мой, моя деревня,
Я ведь к вам иду!..

Для стихов Василия Титова характерна афористичность – переосмысление устойчивых выражений «любовь без берегов», «безбрежная любовь», которые приобретают иной, поэтически свежий смысл:

Ловлю я брызги
В ветреном просторе,
Держась легко
За гривы облаков.
Вдруг мысль сверкнет,
Как молния,
О шторме –
И страшно мне...
Любить без берегов!

Как и эта строфа, большинство стихотворений Василия Титова оригинально образно, что свидетельствует о его несомненном таланте.

Необычные образы радуют глаз при чтении книги.

Из мартовской ночи в апрельское утро
Выводит весна новорожденный дождь.

Неназойливая звукопись только подчеркивает образность.

Или: «Качаются звезды, как в поле колосья».

Сколько уже всего было написано про звезды, а такого интересного образа я не встречала. Наверное,

потому, что в стихотворении открывается особый ракурс, так можно увидеть звезды только с реки, с берега их подобным образом не увидишь.

Вот изображение обыкновенной речки, которое в течение стихотворения преобразуется в изображение течения жизни:

Речку сон окутал белый...
Зимний день над ней, укрытой,
Словно взгляд над колыбелью:
Пусть поспит ребенок пряткий.
Но послушай, ближе к ночи,
Слух в затишье напрягая:
Шепчет песню, камень точит
Речка, сердцу дорогая.
Шум дождей не слыша, рошу,
Птиц восторженное пенье,
Трудно ей в снегах, на ощупь
Направлять свое теченье.
Но уходит чутким зверем,
Огибая каждый кустик,
Бережку крутому веря,
Веря в счастье, солнце, устье –
В собственную песню...

Прекрасное стихотворение, и таких в творчестве Василия Титова немало. Постоянно присутствует и морская тема, и тоже неожиданно и оригинально.

Тихо в рубке.
В «машинном» нутре».
Свернут флаг.
Окна все в серебре.

Рукавица
Дубеет на грелке.
Спят, не вздрогнут
Приборные стрелки.
Тихо в рубке.
Рули «на коне».
А ведь весело было
И любо!
И скучает
О ранней весне
Капитана
Старинная шуба.
(На зимний отстой)

Лирический герой Василия Титова жаждет путешествий, дорог, открытий («День счастья»). В нем живет уверенность в том, что путь, само стремление к нему – это счастье («Любой! Сразу! Куда будет! Билет мне»).

Ощущение силы и уверенности в себе – благотворно действует на читателя, и он тоже – благодаря энергии стиха, его поэзии – чувствует эту благодатную уверенность («делай что должно, и будь что будет»).

Здесь уместно упомянуть одно из заглавных стихотворений сборника «Ветер странствий», – свободное, не стесненное рифмами – в нем есть свежее, детское восприятие мира:

...На восход пойду, сбиваясь,
В свежей кепке, с новой грустью...
Ветер странствий беспокойный
Будет прыгать, как щенок.

Этот ветер странствий веет во всех стихах Василия Титова – и придает всей книге ощущение свободы и простора.

Образ странствия, дороги – в книге ключевой:

Город стянет улиц сrostки
В крепкий узел-узелок,
Подрастут, шагнут подростки
В кутерьму своих дорог.

Везде – такой «поэтический» Грин «пробивается» в стихах Василия Титова. (Только вспомнила Грина, сразу увидела стихотворение «Встреча с писателем»: «Я тоже юным выходил на ринг, Но, чтоб ударить, – я хотел подумать. И потому мне полюбился Грин – Портрет из книжки на стене угрюмый»).

Осколок зари –
Парусок свой сгорбатив,
Кораблик – друг детства –
Пришел долгожданный,
Под солнцем скитаясь,
Он цвет не утратил,
Во льдах пробиваясь,
Он не был раздавлен.
Я буду, как раньше,
Его капитаном,
И там, где ночуют
Бессмертные зори,
Мы будем искать
Средь полей неустанно
Хвалынское
Древнее
Синее море...

В жажде путешествий и в погоне за своей мечтой
лирический герой не забывает о родном.

Вибрация,
Винтов тяжелый бой,
Грохочут волны
За стеной
Стальной.
Но мне не трудно
Говорить с тобой,
Как будто ты
Склонилась надо мной.
(Маме)

Ощущение родства и любовь к матери, понимание ее любви к сыну и благодарность за эту любовь – все это в душе лирического героя обостряется благодаря осознанию отдаленности от родного дома.

Очень хороша в стихах предметность, конкретика описываемого. Вот стихотворение о буксире – сюжетное, возможно, написанное «на заказ», и в нем есть перечисление того, что этот самый буксир возит:

И щебень, и бутовый камень,
Цемент, доломитный помол, –
Буксир, заручась берегами,
Справляется, что тебе вол!

Деловитая конкретность не мешает романтической приподнятости: дело-то ведь не в буксире, а в людях.

Случится ли шторм оголтелый,
Тумана ль беспутный закут –

Волжане, влюбленные в дело,
Работают – песню поют.

Вот и о малой родине Василий Титов пишет не риторически-формально, а ярко-образно, лирично:

...Как пограничники, дышат деревья,
Птицей взлетающий месяц – подковка,
И в захолустье, таинственно-древнем,
Здравствуй, изба, – мировая огневка!..

Автору важно запечатлеть мгновение жизни – он пишет о настоящем.

Завалит волна мускулистый бурун,
Луга распластает шальной отголосок.
Я вышел на палубу. «Приму» курю.
Качаются звезды, как в поле колосья.
И воздух, и синь – хоть соломиной пей,
Но сердце томится любовью и бредит.
Далекая ГЭС, ожерелье огней.
Меня на рассвете любимая встретит.
(Пароходная ночь)

В чем заключается основное воздействие этих стихов на читателя? Во-первых, они просты по форме, безо всяких «завитушек вокруг пустоты» (А. Блок), как сейчас любят писать невдумчивые стихотворцы, во-вторых, пропитаны чувством любви к своей малой родине и Родине вообще. Автор книги – человек, который не равнодушен к тому, что происходит на его родине. И он пишет не о бытовых подробностях его жизни, а о том, что происходит в его стране. Конечно,

В жажде путешествий и в погоне за своей мечтой
лирический герой не забывает о родном.

Вибрация,
Винтов тяжелый бой,
Грохочут волны
За стеной
Стальной.
Но мне не трудно
Говорить с тобой,
Как будто ты
Склонилась надо мной.
(Маме)

Ощущение родства и любовь к матери, понимание
ее любви к сыну и благодарность за эту любовь – все
это в душе лирического героя обостряется благодаря
осознанию отдаленности от родного дома.

Очень хороша в стихах предметность, конкретика
описываемого. Вот стихотворение о буксире – сюжет-
ное, возможно, написанное «на заказ», и в нем есть
перечисление того, что этот самый буксир возит:

И щебень, и бутовый камень,
Цемент, доломитный помол, –
Буксир, заручась берегами,
Справляется, что тебе вол!

Деловитая конкретность не мешает романтической
приподнятости: дело-то ведь не в буксире, а в людях.

Случится ли шторм оголтелый,
Тумана ль беспутный закут –

Волжане, влюбленные в дело,
Работают – песню поют.

Вот и о малой родине Василий Титов пишет не риторически-формально, а ярко-образно, лирично:

...Как пограничники, дышат деревья,
Птицей взлетающий месяц – подковка,
И в захолустье, таинственно-древнем,
Здравствуй, изба, – мировая огневка!..

Автору важно запечатлеть мгновение жизни – он пишет о настоящем.

Завалит волна мускулистый бурун,
Луга распластает шальной отголосок.
Я вышел на палубу. «Приму» курю.
Качаются звезды, как в поле колосья.
И воздух, и синь – хоть соломиной пей,
Но сердце томится любовью и бредит.
Далекая ГЭС, ожерелье огней.
Меня на рассвете любимая встретит.
(Пароходная ночь)

В чем заключается основное воздействие этих стихов на читателя? Во-первых, они просты по форме, безо всяких «завитушек вокруг пустоты» (А. Блок), как сейчас любят писать невдумчивые стихотворцы, во-вторых, пропитаны чувством любви к своей малой родине и Родине вообще. Автор книги – человек, который не равнодушен к тому, что происходит на его родине. И он пишет не о бытовых подробностях его жизни, а о том, что происходит в его стране. Конечно,

он переживает за то, что происходит здесь и сейчас.

Иду я по жизни: душа ль не болит?
Любовь и надежда – мои балансиры.
Идем мы по Волге, а Волга не спит,
Как счастье влюбленных, как память России.

Впрочем, в книге есть и «проходные» стихотворения, стихотворная «публицистика», но она свидетельствует о внимании автора к проблемам современности («Очистим стоки!», «Озеро Ханто», «Мое откровение», «Погибло село» и многие другие).

Мечта – ветер странствий – ставится под сомнение в гражданских стихах. Романтика – поиск счастья не только для себя, но и для других – оборачивается обратным: неверием в то, что счастье сбудется.

Смерть – ну кто ж ее осудит? –
Беспощадна к нашим людям,
К тем, кто верит: счастье близко...
Как бойцу доobelиска.

Хороши те стихотворения, где через «малое» удачно показано главное:

Мы редко отрочеством бредим –
Забыто все давным-давно.
Но лишь увидим где-то бредень –
И тотчас все воскрешено.
Что узы музы? – Были б снасти
Да речка звонкая Уза!
Была бы родина для счастья
И... больше нечего сказать.

Впечатляет и философский масштаб осмысления того, что такое Родина для автора («Любовь к Родине»):

...Здесь въявь тайга, и тайна вод, и время,
Непостижимые небесные луга.

Но Родина – это и родные люди. Тут же рядом – проникновенная лирика, стихотворение, посвященное памяти родителей.

Когда
Заката свечечки
Дрожат на листьях дуба,
И меркнувший огонь
Березы в травы льют,
С небесной высоты
Отторгнутый заступник
Опустит благодать
На родину мою.

Колхозники уснут,
Простые как святые,
Поужинав без света
Хлебом и водой,
И встанут до зари,
Коренники России,
И снова вступят в бой –
С нуждой, с бедой, с судьбой...

Вообще автору удаются стихи не только о себе, а написанные от лица других, посвященные рекам, городам, людям – то, что у других пишущих было бы просто стихами «на заказ». В стихотворении «Вете-

ран» четко и предельно точно отмечена связь поколений, связь памяти:

...И следит, подобно птице,
Каждый миг за синевой:
Служит внук на той границе,
Где он принял первый бой.

Очень трогательное стихотворение «Исповедь бригадира» (одно из лучших в книге) – человек рассказывает свою жизнь, и она сама у него как сказка или поэзия. Поэтому его слова: «Мечтал я всю жизнь – написать бы стихи!.. Свой час проглядел, иль не выдалось время...» – звучат как подтверждение того, что его жизнь и есть поэзия:

Я верю, как в утренний взмах топора:
Прекрасное – в обыкновенном.

«Прекрасное – в обыкновенном», – эту фразу можно поставить эпиграфом ко всей книге Василия Титова, потому что поэзия в его стихах вырастает из обыкновенного в человеческой жизни.

Елизавета Мартынова,
главный редактор журнала «Волга – XXI век»

P.S.: Здравствуйте, Василий Александрович! Отправляю Вам предисловие к Вашей книге. Очень старалась. Извините, что затянула – у меня за последнее время было много поездок по работе. Если что-то не устроит в предисловии, Вы можете убрать или написать, изменим. Если вы не возражаете, с удовольствием возьму 5-10 ваших стихов для сентябрьского-октябрьского номера нашего журнала.

С уважением, Елизавета

Тополь

Пришел сентябрь, и безутешен тополь –
Его листва уж не шумит крылом.
«Парнище русский!..» – из-за плоскостопья
Не принят в небо, плачет за селом.

Как кисти рук, приподнимая гнезда –
В них вывелись крылатые птенцы! –
В вечерний час, когда мерцают звезды,
Его печаль плывет во все концы.

Гудяев родник

Он грезил о звездах в земном заточенье,
Он вычислил солнце, блуждая во тьме.
Осиливший толщу и власть притяженья,
Явился, как ангел, почти на холме!

Прелестную звездочку ночь опускает
В таинственный срубик, в четыре венца,
И сини полдневный избыток стекает,
И знойная радость стекает с лица.

А вечером тихим природниковый
Любовные песни поёт соловей...
О, где ж ты моя вековая подкова? –
Нашёл – перепрыгал – забыл, хоть убей!..

Речка Долгобазан

Речку сон окутал белый...
Зимний день над ней, укрытой,
Словно взгляд над колыбелью:
Пусть поспит ребенок пряткий.

Но послушай, ближе к ночи,
Слух в затишье напрягая:
Шепчет песню, камень точит
Речка, сердцу дорогая.

Шум дождей не слыша, рощу,
Птиц восторженное пенье,
Трудно ей в снегах на ощупь
Направлять свое течение.

Но уходит чутким зверем,
Огибая каждый кустик,
Бережку крутому веря,
Веря в счастье, солнце, устье, —
В собственную песню...

Там, где верят...

Не пой, красавица, про рожь –
Жара стоит, заплачут дети,
На небо с плетью не пойдешь,
Но там, где верят, будет дождь,
Молчи, пастух, про сон... как дождь
Залог спас, хлеба, повети,
На грядках плети, даже хвощ,
Упавший пруд, и всё на свете!

Встреча с писателем

Я тоже юным выходил на ринг,
Но чтоб ударить – я хотел подумать...
И потому мне полюбился Грин –
Портрет из книжки на стене угрюмый.

В общежитии той то пришлые в ножи,
То голь с прутками из кроватных спинок...
И я там жил, я помню эту жизнь
За встречу ту с освобождённым Грином.

Морская авиация

Я мечтал о море,
Я мечтал о небе,
Как сейчас о доме,
О солдатской доле.

Я в матроской форме!
Голубее нету,
Чем мои погоны,
И служить мне... в поле!

День счастья

Проснись, кочет,
Сыграй зорю,
Пакет ночи –
Зарю вскрой!

Стучит в раму
Стихий море,
Прощай, мама –
Рассвет мой!

Вокзал. Стойки.
Боюсь сглазу:
Толпа стонет,
Кассир нем.

Раздайсь, люди!
Любой! Сразу!
Куда будет!
Билет мне!

Волга и флот

Волга пестует флот,
Веря в скупоречивых,
В море, за море шлет
Самых нетерпеливых.

Лишних здесь не берут,
Будет каждый испытан,
Ты одет и обут,
Но душа не прикрыта...

Рвутся волны, круты,
Рукоплеском оваций,
В честь влюбленных в винты,
В паруса навигаций!..

Маме

Вибрация,
Винтов тяжелый бой,
Грохочут волны
За стеной
Стальной,
Но мне не трудно
Говорить с тобой,
Как будто ты
Склонилась надо мной.
И тихо шепчешь:
Спи, хороший мой...
И засыпал я,
Полный, как арбуз,
Томящей радостью
Поющих чувств,
Всходило солнце
Для меня во сне,
А тень твоя
Бледнела на стене,
Спеша куда-то
На последний план,
И теплый дождик
Рассекал туман...
И я к мечте своей
Пускался вплавь,

Ее завидев
В море голубом;
Я плыл легко,
Сердцебиенью в лад,
Не оглянувшись
На родимый дом...
Я только позже
Осознал вполне,
Что тень твоя
Осталась на стене,
Светило солнце
Материнских грез,
Струился дождь
Благословлявших слез,
Желая счастья
И удачи мне,
И мужества
На вздыбленной волне...
Вибрация,
Винтов тяжелый бой,
Грохочут волны
За стеной
Стальной,
Но мне не трудно
Говорить с тобой,
Как будто ты
Склонилась надо мной.

Судоходное

Ругаем мы
Речные перекаты,
Но если глубже
В этом разобраться,

Они бывают
В чем-то виноваты,
Но их не будь –
Воде не удержаться.

Спрявим реку
И перекаты вынем –
И поминай, как звали их –
Глубины.

Волга, вахта...

Смерклось. Мост в огнях вечерних.
Грустно на мосту.
Я, ушедший из деревни,
В город не приду.

Помню, как в него, однако,
Прискакал юнцом, –
Напугал меня, чертяка,
Каменным лицом.

Но и я на город цыкнул,
Сверху, строя дом:
В череп цирка пальцем тыкнул,
Извинясь потом.

Был я стройке парень свойский.
Плотник неплохой,
Да осёк топор отцовский
О бетон глухой.

И представил вдруг в минуту,
В шепоте полей:
Волга, вахта, под каютой
Гром двигателей.

Как домой, взошёл по трапу,
Знал, что не на день.
Город – слева, крыши – справа,
Крыши деревень.

Цель ясна – нерудных грузов
Завозить сполна:
Зданья, ГЭС, и тракт не узок...
Строй и пой, страна!

Как связной, иду к прозренью, –
Ветер на мосту, –
Город мой, моя деревня,
Я ведь к вам иду!..

Ветер странствий

Вот и я домой вернулся –
Поворот за поворотом.
Словно сны босых мальчишек –
Облака над головой.

Я возьму колун дремотный –
Наколю дровец дубовых.
Молока хвачу парного,
После баньки сон как мёд.

В дом под утро постучатся –
Всполошась у печки, мама,
Гостя раннего ругая,
Позовёт – вставай, сынок.

Я умоюсь, попрощаюсь –
Это ветер стукнет в крышу!
Он зайдёт за мной из дола –
Значит, ветер отдохнул.

На восход пойду, сбиваясь,
В свежей кепке, с новой грустью...
Ветер странствий беспокойный
Будет прыгать как щенок.

Возвращение

Шмякнулась ночь мешком со спины,
Солнце встает над пакгаузом...
Мы восхищаемся тайной зимы –
Чистым улегшимся парусом.

На зимний отстой

Тихо в рубке.
В машинном нутре
Свернут флаг.
Окна все в серебре.
Рукавица
Дубеет на грелке.
Спят, не вздрогнут
Приборные стрелки.

Тихо в рубке,
Рули «на коне»,
А ведь весело было
И любо!
И скучает
О ранней весне
Капитана
Старинная шуба.

В подшитых валенках

В валенках – отцовских снегоступах,
С ружьем двадцатого калибра,
В том краю, который мной не выбран,
Я пройду без скрипа и без стука,
Ставя шаг вольней строки верлибра...

Навигация началась

Зима отъярилась!
Беззвездное время
Прошло и забылось
К началу апреля.

Разбужены дали –
Трубят теплоходы!
А солнышко давит
Сугробы как соты.

С запасом отваги
Уходят буксиры.
А ветер их флаги
Полощет курсивом.

Весна – это диво,
Любовь и работа,
На полчища льдиниц –
Форштевни речфлота!

Родное начало,
Запев стоголосый!
Судьбу раскачало –
На месяцев восемь...

Походное

По Оке, по Волге, Каме
Ходит молодость твоя,
С парходными гудками,
С ходом грейферов в трюма...

На стройке коммунизма

Буксир наш не возит туристов –
Иною судьбой наделён,
Посмотришь – на вид неказистый,
На сколько же силищи в нём!

Торопится с Волги на Каму,
А с Камы – на Волгу опять,
Порой секционным составом
Ему нелегко управлять.

Покажется груз не особым, –
Но грузы не делают честь, –
Трудяга, он возит бессонно
Песчано-гравийную смесь.

И щебень, и бутовый камень,
Цемент, доломитный помол, –
Буксир, заручась берегами,
Справляется, что тебе вол!

По правилам план выполняет –
Не может же он подкачать!
О помощи кто-то взывает –
Он первый спешит выручать.

Случится ли шторм оголтелый,
Тумана ль беспутный закут –
Волжане, влюбленные в дело,
Работают – песню поют.

Камское устье

Вздрогнет каюта дланью уюта –
Волжское камское майское утро
Солнечной конницей, златом-булатом
Вломится вольницей в иллюминатор...

Призрак любви

Утешайся, мятущийся берег,
Запрокинувший голову клён,
Утки рано покинули ерик –
Бабье лето является в кон!

Ветер листья едва ли теревит,
Светит солнце, не будет дождя,
Запасаются солнцем деревья,
Соки трезвые в глубь уводя.

Отряхаясь от пыли дорожной,
Не ходивший вылеживать пляж,
Буду весело думать на пожне,
Принимать нисходящую блажь.

Словно юность, ушедшую в город,
Лето знойное я не верну,
И раздевшись за тихим угором,
Разбегусь да и в омут нырну!

И плывя из опасного места,
Белый шарфик примечу вдали...
То ли это чужая невеста?
То ли призрак грядущей любви?

Посёлок Шлюзовой

Не слышно тусовок в шуршании курток,
Затих городок, как встревоженный вождь,
Из мартовской ночи в апрельское утро
Выводит весна новорожденный дождь.

С космической скоростью сны отлетают,
Отыщут деревья потерянный ряд,
Лишь двое бессмертно дождейки глотают,
Наперсники звезд, поцелуи и горят.

Любовь

Ловлю я брызги
В ветреном просторе,
Держась легко
За гривы облаков,
Вдруг мысль сверкнет
Как молния,
О шторме –
И страшно мне...
Любить без берегов!

Пароходная ночь

Завалит волна мускулистый бурун,
Луга распластают шальной отголосок.
Я вышел на палубу. «Приму» курю.
Качаются звезды, как в поле колосья.

И воздух, и синь, – хоть соломиной пей,
Но сердце томится любовью и бредит.
Далекая ГЭС, ожерелье огней –
Меня на рассвете любимая встретит.

Привет, не уснувшие в чудную ночь,
Не спавшая ночи, поклон, дорогая!
Изводит желанье кому-то помочь:
Плыть нарочным в ночь, на весло налегая.

Иду я по жизни: душа ль не болит? –
Любовь и надежда – мои балансиры...
Идём мы по Волге, а Волга не спит,
Как счастье влюблённых, как память России.

Воспоминание о той любви

Любовь, как ветер,
Окрыляет, метит,
Целуя руки,
Был я близорукий,
В разлуке долгой,
Стал я дальнорким,
Но миг прозренья –
Чудное мгновенье!
И год, и месяц тот
Предновогодний,
И дивный день я
Помню как сегодня:
С гор Жигулёвских
Ветер дует жёсткий,
Сквозь тучи рвётся
Солнечная россыпь,
Фарватер скован, –
И народ рисковый
За нами долбит
Лунки по всей Волге!
В превратных рейсах
Вымотан донельзя,
По сходне скользкой,
Как мальчишка с горки,
К тебе навстречу
Я сбегаю... вечно!

А ты, беременна,
У кромки трепетно,
Как солнце в замяти,
Сияешь... в памяти!

Малая родина

Рвал я в сердцах паутину, как цепи,
Против течения шёл как бурлак...
А для чего существуют райцентры? –
Чтобы не сбились идущие к цели –
Здравствуй, Базарный Карабулак!

Как пограничники, дышат деревья,
Птицей взлетающий месяц – подковка,
И в захолустье, таинственно-древнем,
Здравствуй, изба, – мировая огнёвка!
Здравствуйте, близкие, здравствуй, деревня –
Первопрестольная свет – Ханенёвка!

Простые как святые

Памяти родителей

Когда
Заката свечечки
Дрожат на листьях дуба,
И меркнувший огонь
Березы в травы льют,
С небесной высоты
Отторгнутый заступник
Отпустит благодать
На родину мою.

Колхозники уснут,
Простые как святые,
Поужинав без света
Хлебом и водой,
И встанут до зари, –
Коренники России, –
И снова вступят в бой –
С нуждой, с бедой, с судьбой...

Бредень

Мы редко отрочеством бредим –
Забыто все давным-давно.
Но лишь увидим где-то бредень –
И тотчас все воскрешено

Далеких дней волшебным светом...
Ты видишь край, где ты живешь,
Босой как Бог идешь среди лета
И снасть известную несешь...

О, летний день! Пылит машина,
Стрекочет луг, мычит телок,
Идут друзья легко и живо,
Несут топорик, казанок...

Что узы-музы? – Были б снасти,
Да речка звонкая Уза!
Была бы родина для счастья
И... большего нечего сказать!

Город на Волге

«Ветер! Полынист, силён как оратай,
Радость мою одолеешь едва ль!..»
Рад я и ветру, и слову «Саратов»,
Улицы видеть и волжскую даль.

И облаков величавые струги,
И громыхающий «первый» трамвай,
Славных мостов непреклонные руки
Над колыбелью – вовек не замай!

Небо, хранящее дух демократа,
В дерзком масштабе постиг космонавт,
И до рабочих нисходит отрада –
Всех новизной овекает весна.

Жаждут все люди приблизить рожденье
Звёздных открытий, привольных чудес,
В поте лица, но в согласном раденье
Вырастить ниву шумящей как лес...

Жадно ловлю я случайные вести
В северных далях о чем-то родном,
Снишься ты мне не роняющим чести
Край, озаряемый Вечным Огнём!..

Штормовая осень

Ревели ветры, злы как вепри –
Крутились вахты, дизеля.
И утомленные как звери,
Через усталость и потери
Мы знаем толк в ледовых дерби –
Мы аварийщики не зря.
Последний рейс, и в самом деле
Готовим трап в людские дебри –
Признай нас, страждущих, земля!

К Гайдар-реформам

Толь почистить маузер
Да свечу задуть,
Толь поверить в ваучер –
В ЦРУшный путь.

Чмокает ли «родненький»,
Сытенький премьер,
Люди-огородники –
Каждый малOVER.

Погибло село

Власти безголово
Спят на этажах,
С кладбища корова
Выбредет в крестах.

«Где село Надеждино?» –
Спросит у луны, –
«Стёрла, не удержана,
Сила сатаны».

Голод и тиранство,
Волюнтаризм – застой
Извели крестьянство,
И не знай – за что.

О, земля скорбящая!
Сгорбились поля,
На дубах рубашечки
Поизъела тля.

Пробкою бутылочной
Упадет звезда,
В родничке застывшая
Сморщится вода.

Вглядываюсь пристально,
Но спасенья нет,
Как чужой расхристанный,
Близится рассвет.

И корова, призрак ли,
Тщится позарез
Приподнять не призренный
Падающий крест.

Мое откровение

Я атеист, я бывший октябрёнок,
И пионер, и комсомолец тож,
Идейный жмых жевали мне с пелёнок
Политбюро и тысячи вельмож.

И час настал – генсекретарь, иуда,
Продал народ за серебро и медь,
Наёмная, с инструкцией оттуда,
Явилась власть, жестокая как смерть.

И всех взяла – за модные словечки,
За обещанье храма на горе,
Но храма нет, и люди как овечки,
Идут во тьму в продуманной игре.

Я храм в душе своей мечтал построить,
Мне тяжело надежду потерять,
Погибнет Русь – и жить уже не стоит,
И не спасётся иноверцев рать.

Силён наш враг! На города и веси
Он сеет зло, весь протокольный смрад,
И тех, кто жмётся к сатане и бесам
Я, атеист, наказывать бы рад.

Вопрос матроса

Вроде руки у смелых не скручены,
И на дыбе жгуты поослаблены...
Где же вы, современные Рютины?
Где же вы, современные Саблины?

Рабочему классу

Отсияла твоя звезда,
Словно ёлочная игрушка.
Демократы сожгут Вождя,
В Мавзолее устроят конюшню.

Тех мастей, употев, жульё,
Коррумпируясь под литавры,
Сунет кукишей враз мильён
Прямо к носу тебе, пролетарий!

Мы и масоны

Ни друг, ни враг не назовёт на Вы нас –
Ведь нашей Родиной торгуют оптом
И в розницу, по месту и навывнос –
Покуда есть, дельцы не скажут «стоп» там.

Иссякнут недра – экая досада!
Запросят органы у нас – для пересадок,
И кровь возьмут – распахивайте вены
Для Лондона, Парижа или Вены.

Ужель они не избегут искуса,
Глумясь над Русью, словно наркоманы?
Ведь на кресте давно сменил Иисуса
Крестьянин наш... и всё им мало!

К вопросу о языках
(Ответ русофобам)

То ли скрип,
А то ли рык
От московской крыши,
То ли кашель,
То ли чих
Из-за той стены.

А в анклав
Шум и гам,
Всполошились крысы,
С языков раскатанных
Каплет яд слюны...

Масонский переворот

*Посвящается А. Баркашову
и всем нашим – живым и павшим*

Борис, кровавый царь цинизма,
Крушит святые образа,
Снуют адепты сионизма,
Свинцовый ветер бьет в глаза.

Ловите, люди, пули ртами –
Лимитчики в своем дому!
И предстоятель речь картавил,
Он верно служит – но кому?

И озверенные омонцы
За власть наемных подлецов
Дубьем дубин дубасят солнце
И гасят братьев и отцов.

И страх научий смертоносен,
И рык военных держиморд
Уж кровью запивает осень
Людское мясо постный сорт.

И слух прошел, посланник божий
Растерзан при святом кресте,
Хасид облизывает ножик,
Ликует антирусский стерв...

Космополиты, мудрые удавы,
Убийцам прибулавят ордена.
А матери, а сироты рыдают,
И ночь Отечества как шаль черна...

Но как поднять России вежды?
Как превозмочь обман и грусть?
И где фантаст твоей надежды,
И кто стрелял из пушек в Русь?

Спросить у графа

Что ж, богат наш край, и чрезвычайно
На людей, достойных через край.
Здесь живет давно, и не случайно,
Граф Вторушин-Ртищев Николай.

Он моряк и слесарь, адвокат по праву,
Я хочу сегодня у него спросить
О судьбине града, славе и беславьи...
О природе гадов на святой Руси...

Анатолий Лукьянов – голос из тюрьмы

«Простите нас, солдаты и матросы –
Господь ли нас направил в «Тишину», –
Простите нас, обманутые россы,
За то, что вы превращены в отбросы,
А мы перевозносили Сатану.
И нам уже не искупить вину,
Суду веков являясь на допросы».

Монолог ветерана

«Я подданнейший взорванной империи,
Осколочный её метеорит,
Немного времени и мне отмерено,
В паденьи тело брненное сгорит.

Но боль могил, обрыв тысячелетия –
Повиснут сухожилия веков! –
В последнем вздохе вижу на планете я –
Горят костры пирующих врагов.

Но я уверен: в бездне мироздания
Отыщет боль достойнейший приют,
И ниспошлётся Гению Восстания,
И братья меч Герою откуют».

Посвящение году Змеи

Кто-то выжил, кто-то помер...
Старый вышел – шаткий донор,
Новый, здравствуй! Руку друга –
Воля братства нам порука

Дай, Всевышний, году Гада
Хлеба с вишней, мёду яда,
Чище воду, легче воздух,
Власть народу без загвоздок!

Чубайсовщина реформ

Ты любил ходить по Волге –
Очи вызверил в глаза!
А теперь хоть вой по-волчьи –
Где твой руль? И где друзья?

Волжский флот забрали турки
За посул худой еды,
А в Москве политпридурки
Варят варево беды.

Ну, а здесь, – шутить не стану, –
В маскирующих очках
Я увидел капитана –
Рылся в мусорных бачках...

Ну, а Волга? – Вся пустая,
Лишь халейщики орут,
Только ветры задувают,
Волны грозно в берег бьют...

Монолог браконьера

Готовим и мы запрещенные сети,
В отместку себе и двадцатому веку,
Чтоб рыбу сорогу отведали дети,
А завтра политики выкупят реку.

На них – от Кардена, у нас – от Бердана –
Наследство того, кто однажды не струсил...
К добру ли халей раскричался гортанно?
И тьма воронья раскрутилась над Русью?

Дворцы против хижин

Объят огнём чеченский дом,
Зашлась Россия в смертном плаче,
Главком поставил всех на кон –
И смотрит в нас... по-вурдалачьи.

Наше болото

Там, где вечность опочила
На зыбучих островках,
Дышит дьявольская сила
И испытывает страх.

Там, где шёл трубоукладчик
С экскаватором в разбой,
В рваный ров комарик плачет
С комариною роднёй.

Необузданное тело,
Да с непонятой душой, –
Метит тень геликоптера,
Как пирог деля большой.

Мерзлоту отогревая,
Как изгой испросишь крест:
То ль погубит буровая,
То ли будущая ГРЭС.

Поворотно-пестицидный,
Очумелый человек –
«Как же, люди, вам не стыдно?» –
Двадцать первый спросит век.

Оттого и ждёшь кого-то,
Будто веришь, будто нет,
Безымянное болото,
Заклеймённое в завет.

Но твоё предназначенье
Угадает без труда
Тот, кому земля ничейной
Не приснится никогда.

Поступь буржуинства

Злой Гайдар сучил ногами,
Аки хорь, сбивавший кур...
И теперь во всем аллюр:

Словно зэк досрочно к маме,
Чешет время на рекламе,
Прет железными шагами,

Что ни слоган – бык с рогами...
Белой ночью лоб упрямый
Полоснет бандитский свет:

Без налога – хода нет!
Без процента – мамы нет!!
– Без мамоны? – Терры нет!!!

На монтаже

В котельной аэропорта
Гудит подача над обратной,
«Даешь тепло!» – вот простота
Задачи, выраженной кратко.

В тепле сподручней говорить –
Вот котелок и две форсунки,
Но стоит дверь приотворить –
Зимы коварные задумки!

Бригада трудится как конь
На монтаже по расширенью,
И дай им бог на счастье бронь –
На взлет желанный приглашенье

Ударный труд и там и тут,
В морозном чаде луч удачи,
Не заблудитесь Яки, Аны, Ту –
Куда-то солнца закатился мячик...

Предчувствие оккупации

Кто-то чуждый шёл по межам,
У мостков плевал в тумане,
Птичьи стаи воздух режут,
Август вёслами табанит.

Павший лист, любивший солнце,
Потасил ручей в суводье,
Грубый плащ верней, чем зонтик,
Уходящим в непогоде.

Буровик подтянет бродни,
Лесовик подправит пестерь –
Добывать глоток свободы,
Упредить худые вести...

Ноябрьчани

Посвящается о. Анатолию (Берестову)

Ноябрь окоём засупонил,
И заиндевели леса.
Мы все, как олени в загоне,
Надеемся на Небеса.

А Сиверко тучищи грудит,
Чтоб гнать их на южный редут.
Из недр добродушные люди
На всех добывают продукт.

Ноябрьские дорожники

Есть удадь бригадного братства –
Хоть к звёздам подъезды мостить!
И силушки вдоволь подраться –
Болотную гидру скрутить.

Такую дороженьку тянут
К судьбе проложившие гать!..
А кто терпеливей?.. – нефтяник –
И рады ему помогать.

Разливы таёжного плёса,
Отвагу зовущая даль,
И глядя вослед плетевозу,
Улыбочку сдержишь едва ль:

Вчера состоялась премьера –
Бетонка поёт и гудит!..
Горячую рану карьера
Белесая ночь холодит...

По ягоды

Цвела невинно-белым,
Росла не понарошку –
Ты будешь самым первым,
Кто вышел на морошку!

Достало небо лето,
Как отрок острой пикой,
Бери корзину, дэту –
И в путь, за голубикой!

Пока стучал лесничий –
Неутомимый дятел,
Повызрела брусничка –
Не припоздай, приятель!

В штормовке и ботфортах
Готовься, кто не хлюпик,
Выхаживать в болотах
За россыпями клюквы!

И ты, тех ягод кроме,
Лишь горстку костяники
Найдешь в глухом урёме –
И просветлеешь ликом:

Придет зима – ответим
И взрослые, и дети:
«Переживём морозы
И авитаминозы!..»

Покаяние

По брусничнику бродила копалуха,
Словно девица на утренней заре.
Но раздался выстрел – тяжело и глухо
Содрогая кедры на лесном бугре.

День шел высоченный – он не распрямится,
Солнце как-то в сторону загребает вплавь...
Я убил доверчивость краснобровой птицы,
Я угробил тайну, тишину разъяв...

Ноябрьск неправославный

Наш город и не город вовсе,
А пятая колонна во плоти,
В «живую веру» записались боссы,
И рвут с народа девять десятин.

В высоком чине ихний покровитель,
А если нет – то почему они
Ведут себя наглей и фаворитей,
Чем те, кто чину этому сродни?

Бегущие по утрам

Одиозные,
Словно призраки,
Вы опознаны,
Полупризнаны.

По обочине,
По распутице, –
Вы рабочие,
С нашей улицы.

В час предутренний
Вдав апатии,
Пусть растут ряды
Вашей братии.

Стонут медики
Перед фактами, –
Вырвем цветики
Прединфарктные!

Быт запотчевал
Разным зелием, –
Людям хочется
Выйти семьями.

Сердце требует
Солнца трезвости,
Телу брэнному
Свято крест нести.

Может, время нам
Вновь ликбез ввести –
Бег без тренера,
Без помпезности.

Бег раскованный, –
Средство сущее,
Выше голову,
Вдаль бегущие.

Дело верное –
Жить без плесени,
Двадцать первого
Века вестники!

Ноябрьские землеробы

Задумались дачники Севера
Среди инструментов и торб,
Снежинками почва усеяна,
Та почва – песочек да торф.

Сегодня июнь – слабосильненький,
А завтра устроит парник –
Теплом и болота, и зимники,
И ваш огород окормит.

Здесь грядки заделаны гребнями,
И в том не единый секрет,
Известка, зола, удобрения –
И выйдут проростки на свет.

И Север, дай Бог, перед августом
Не стубит паслён – баклажан,
Не стукнет ладонью куржавистой
По шапкам цветущих южан.

И есть убеждение личное –
Картошку мороз не убьёт,
Ворюга не вашу клубничину,
Не вашу петрушку урвёт.

Но гнусом зашорятся стороны,
И мается чья-то душа,
Крестьянские корни оборваны,
И стоит ли дело гроша?

И грустно нечаянно вычислить
Среди тротуарной толпы,
«Обмывших» посев, по обычаю,
И русские песни судьбы...

День города

Вырос, вырос сыночек ваш –
Экий денди пятнадцатилетний!
Он изгрыз не один карандаш –
Вырисовывал домики бедным.

Он прожёт не одно пальто,
Озаряя предместья кострами,
Он уплыл на плоту за Ханто,
И под утро вернулся с друзьями.

Вырос, вырос сыночек ваш –
Как большой, закурил сигарету,
Был замечен по мелочи краж –
У лоточницы стибрил конфету.

Но об этом сегодня – молчи,
Если Кремль – воровская обитель,
Если умер, не сняв кирзачи,
Твой отец, коммунизма строитель.

Кто-то спросит, гуляню не в лад:
«Что-то матушки вашей не вижу»...
Наработалась, руки болят,
Сокращённая, ходит на биржу...

Вырос, вырос сыночек ваш!
На тропу светозарного детства
Мы уйдём, разрывая зомбаж –
Сей кошмар нездорового действия.

И оттуда, с высокой тропы,
Мы увидим больную Россию,
И салютов пустые снопы,
И народ, как большую разиню...

Ноябрьск как остров

Наше озеро Светлое – мини-байкал,
Первородная прелесть-водица.
И Жемчужное озеро ты отыскал,
Неглубокое, но пригодится.

Дарит озеро Чёрное добрый настрой,
Просияв в лесотундровой блажи,
Комаров и мошки охраняющий рой
Повышает иммунитет ослабшим.

Как ребенок близ сердца, у города есть
Озерцо под названием Подкова.
Нерестовый разлив, сокровенная весть,
Санаторный оазис покоя.

Мы живем на истоках, и точки судьбы
Нашей общей пульсируют рядом:
Слышен гул катастроф? Или грохот пальбы?
Или Дева идёт – Революция Правды!

Исповедь бригадира

«Мечтал я всю жизнь – написать бы стихи!..
Свой час проглядел, иль не выдалось время.
Ребята поймут и простят – не глухи...
Надежное, крепкое племя!

Я помню, прицепщиком начал свой путь,
В пилотке отца, с похоронкой из части...
Хотелось мне солнце приблизить, встряхнуть, –
Чтоб каждому выпало счастье!

Пахал я, и сеял, и был избачом –
Случилось потом, угодил по навету...
На лесоповале суровым лучом
Писали мне письма рассветы.

Матрос – я рыбачил, помбур – я бурил,
Бурильщик меня отпускал неохотно...
Я строить желал! От нуля до стропил.
И жизнь не прошла беззаботно.

В местах, где построил я первый барак,
Там город цветущий живет вдохновенно.
Я верю, как в утренний взмах топора:
Прекрасное – в обыкновенном.

И встретил на стройке я ту, что искал,
Признаться в любви – неудобно: уж возраст,
И выросли дети, зима на висках,
– Поселок, растущий форпостом!

Он здесь, человек неумной судьбы!
Он строит и бурит, найдет и добудет.
...В брусковых домах, что просты и грубы –
Надежного счастья вам, люди!

Хотел говорить – да не знаю о чём,
На радости скуп, доложу напоследок:
Я жду вождённо, как встречи с отцом –
Салют ежегодный Победы.

Мечтал написать я, как сказку, стихи,
Как рыбину, радостно выхватить время...
Ребята поймут и простят – не глухи...
Надежное, крепкое племя!»

Предостережение

Не эти ли вожди фиглярствуют, пируют,
Из досок гробовых выплясывают стон,
Твоей прекрасной Родиной торгуют,
На тонких каблуках гуляя за кордон.

И нижние чины – резвитесь, мародеры!
Он близок, грозный час всевышнего суда:
То ль молния сверкнет, то ль сабля волонтера –
И в кровно-красный цвет окрасится беда...

Травы и люди

Сбежала Melissa из леса
Повыбит в лугах зверобой,
Душицу гребут повсеместно,
На хмель налетают толпой.

Загубят сырьё по кладовкам,
И меньшее это из зол.
А предпринимателям ловким
Поддай на затравку возок.

Там клюквенник в грязь измеси́ли,
Брусничник по гривам пожгли,
Целебные корни России
Для мистеров рвут из земли.

Ползут от бадана к тархуну,
И скоро не будут молчать.
Кому ж новоявленным гуннам
«Спасибо – спасите» кричать?

Город N

Не вчера ль назывался поселком,
В доску свой, разухабистый в дым,
А сегодня глядит поросенком –
Он для избранных стал золотым.

Бедный донор, нахмуривший брови,
Чтобы хлеба и мяса купить,
Предлагал, да не приняты крови –
Конкуренты сумели отбить.

Тяжелы золотые потоки,
Тяжела нефтяная струя.
А рабочим подбросят ли крохи –
Те враги или эти друзья?

За державу обидно и больно,
И бужу я завещанный грех –
В нашем городе самодовольном
Я единственный русский из всех?

Миллениум и поэзия

Дождались – веков (и мозгов) обнуленье,
И слезы в стакане, и розы в кювете,
В сердцах тектонический сдвиг,
И урбанистический тик.

Обвален, как берег в канун затопленья,
Печален, как ветер, струящийся в «нети»,
Как сад перед вырубом, стих
Силлабо-тонический стих.

Озеро Ханто

Душе, как детству, не прожить без берега,
А берегом гуляет кто-то злой
И губит кедры – царственное дерево! –
За руль усевшись, рвет культурный слой.

Скажите, кто уродует окрестности,
И множит свалки, и пускает пал?
Вернемся, люди, к разуму и трезвости,
Природа – дом наш, и момент настал.

Давайте скрутим руки безобразнику,
Залечим берег и расчистим дно...
Работы много, и работа разная
И снится парус озеру Ханто.

В воскресный день вставай на лыжи

Тепло и сытость, снов бедламы,
И лень – комфортную облыжность,
И неги долговые ямы,
Отринь, мой друг! И встань на лыжи:
Сжигать в себе жиры и шламы
Уйди за город, к солнцу ближе.
Пусть за спиной плетутся годы,
Сажая солнце на закорки,
Рискни скатиться с Лысой горки
В объятая жгучие свободы! –
Воздушных струй компресс спиртовой
Приняв на грудь, как сын бедовый!

Жалость

Те, кто делал мне погано,
В мир иной уходят рано,
Я за них всегда молюсь —
Я грехов чужих боюсь.

Русский Нобелевский

Эпоха купленных дипломов,
Разбухших кланов ушлых клонов,
Торчащих в дырах небосклонов,
И над позором, над разором
Возник мужик с печальным взором,
Прямой укор дельцам в фаворе,
Чтоб устыдился вор на воре –
Людского горя чёрен плат...

Учёный брат – он депутат,
Он подлецам является норов,
Зовут творца Жорес Алфёров.

Ноябрьская Мадонна

Красивая женщина ходит по городу,
Как будто нездешняя вольно гостит,
И ветер за ней поухаживать пробует,
И солнце пред ней косметологом льстит.

Одета, как фея, и слабенько красится –
Достоинству сердца не надо теней!
По рынку походит, на зелень истратится –
И снова исчезнет на несколько дней.

И пятиэтажки, шатаясь, как пленные,
Обыденность фортками будут глотать,
Но кончится, видно, работа посменная –
И в час неурочный встречай благодать:

Красивая женщина, верно, с окраины
Пурпурное пламя на платье несёт,
И на перекрестке идущая правильно,
Посмотрит внезапно и гордо, и праведно –
И чью-то надежду, как знамя, спасет!

Ордер на жильё

Седьмой микрорайон!

Седьмой микрорайон!

Свежайший воздух попивает он.

Вокруг – тайга плюс детство лесопарка.

Здесь проще люди, чище облака,

Взойдёт луна, – челночица-товарка,

А может статься, – звёздная доярка, –

Блеснёт по стёклам города Ноябрьска:

«Вот Млечный путь – молочная река,

Вы сами обустройте берега,

Чтоб было вам не холодно, ни жарко!»

Титов Александр Павлович – мой отец

Слева – Титов Александр Павлович (1920-2005),
мой отец, морской десантник

Мой отец – Титов Александр Павлович, моя мама –
Титова (Бурчаганова) Елизавета Яковлевна, моя
бабушка – Титова (Федорова) Мария Ивановна

Моя мама со старшей сестрой Ниной,
слева моя двоюродная сестра Мария,
справа моя двоюродная сестра Антонина

Титов Николай Иванович –
крестный отец моей мамы

Романов Александр Тимофеевич – участник Великой Отечественной войны, брат моей бабушки Анны Тимофеевны, дядя моей мамы. В его семье воспитывалась, рано осиротевшая, моя мама

Титова Мария Павловна, на руках сын Виктор – в тяжких трудах пережившая Ленинградскую блокаду: стирала для фронта бинты, белье, обмундирование, после постоянных бомбежек таскала рельсы и шпалы, восстанавливая подъездные пути к ледовой переправе, 1946 год

В центре – мой дядя Титов Николай Павлович,
воевал с японцами,
умер в 1953 году от тяжелых последствий войны

Кострюков Петр Михайлович –
муж моей тети Анны Павловны, защищал Москву,
был ранен, проходил лечение в Казани,
повторно защищал Москву, пропал без вести

Полин Эдуард Вячеславович – мой племянник,
прошел горно-медицинскую подготовку,
повоевать в Афганистане не успел

Титов Василий Александрович,
третий месяц службы в морской авиации

Титов Александр Павлович – военный разведчик,
кавалер шести боевых и трудовых орденов

Мои родители

Наша родня – тетьа Мария, тетьа Анна,
моя мама Елизавета, двоюродная сестра Антонина,
сестра Надежда, брат Николай, двоюродный брат
Виктор, внуки тети Анны – Петя и Миша

Наша семья,
1957 год

Братья Титовы – Николай и Василий

Сестры Нина, Надежда, брат Николай

Мой дядя Титов Иван Павлович – учитель русского языка и литературы в 3 школе Саратова

Мой отец (слева) и мой двоюродный брат
Василий Петрович Кострюков

Гудяев родник. Сельские охотники на привале.
Автор – слева

Саратов, работа на стройке

Моя семья. Василий Александрович,
Лидия Африкановна, сын Алексей

Сын Алексей и я

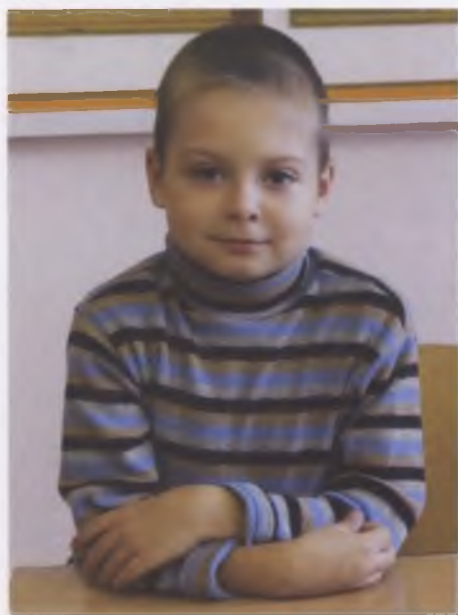
В пастушьей землянке. Племянник Алексей
Николаевич, сын Алексей Васильевич

Внуки Победной весны: Спиридонов Павел
Алексеевич, Титов Алексей Васильевич

Мой внук Титов Федор Алексеевич

Мой внук Титов Павел Алексеевич

Бабушка Лида с внуками

Река Ханаяха, г. Ноябрьск

Предки моего сына: Дрыгин Федор Семенович,
справа – Дрыгина (Лимонова) Анастасия
Алексеевна с дочерью Евдокией, будущей мамой
моей жены, слева – ее сестра с дочерью, 1914 год

Слева Дрыгин Федор Семенович,
в центре – сестра его жены с детьми, справа –
казак, предположительно из рода Семеновых

Отчий дом

Слева – автор, справа – граф Вторушин-Ртишев
Николай Григорьевич

Памятник герою земли и неба
Маргелову Василию Филипповичу, г. Ноябрьск

Импровизированное ожидание каторжанина
(Лимонова Э.В.), фото В. Титова

Куйбышевский (Спасский) затон
до затопления водохранилищем,
родина предков моего сына, 1957 год

«Ноябрьск как остров». Озеро Светлое.
Фото В. Овчинникова

«Напали на клюкву»,
иллюстрация художника Т. Мушкиной

«Русская осень»,
иллюстрация художника А.А. Пашина

«Из северных снов»,
иллюстрация художника Т. Мушкиной

Пресвятая Богородица, спаси нас!
*Благодарственное
письмо*

за активное участие в номинациях
«Руководящее» и «Литературное творчество»
конкурсы творческих работ,
посвященных 200-летию обретения
иконы Божией Матери «Ахтырская»
в п. Алексеевское.

ПООЩРЯЕТСЯ

Титов Василий

Благочинный Алексеевского благочиния
Чистопольской епархии
протоиерей Павел

Храм Воскресения Христова
пгт. Алексеевское
15 июля 2016 года

БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Московский Патриархат
Чистопольская Епархия
Алексеевское Благодичие
Храм Пресвятой Троицы
с. Куркуль

НАГРАЖДАЕТСЯ

Тимоф Васильевич Александрович

От лица всех служителей и прихожан
нашего храма примите нашу сердечную
благодарность за активное участие в
предстоящем престольном празднике,
посвященном Дню Святой Троицы. Мой край
называется Троица хитрей.

С благодарностью и признательностью Божией
помощью мы все вместе благодарим вас за
вашу помощь.

Искренне,
храм Пресвятой Троицы с. Куркуль,
иерей Симеон Матвеевич

2018 г.

Ноябрьский бальзам
(Рецепт Р. Ишметова)

Здравствуй, осень, – чаша наша!
На работе пашешь, пашешь –
Ну, отгульчик получи.

Выйдя в лес, силён и молод,
Сотворив тяжёлый колот.
В ствол кедровый постучи.

Словно подать, схватим радость –
Будут шишки падать, падать –
Ну, а где их применим?

Скажем просто, без лукавства –
Самогонное лекарство
На орешках настоим.

Целый год живём – не тужим,
Если где-то занебудим –
Заходи ко мне, сосед.

Будет битым ихний Битнер!
Снять простуду, смыть обиду –
Лучше нашей в мире нет!..

Ноябрьск романтический

«Как хороши, как свежи будут розы»

И. Северянин

Город-отрок хлещет вёдро –
На отлёте голова!
Как фиорды, взоры гордых
Зазывает синева.

Город стянет улиц сrostки
В крепкий узел-узелок,
Подрастут, шагнут подростки
В кутерьму своих дорог.

А покуда – бродят чинно,
Коль дивчина – то марина!
Если парень – северянин!

О, поэты с малой буквы –
Верю я, что кто-то грянет,
Сердце нежное обуглив

На ветрах таёжных вахт,
На посту в ночи душманской...
Но с улыбкой на устах
Нам споёт о наших шансах.

И в краю «суровой прозы»
Мы услышим соловья,
Утончённость свежей розы,
Хрупкость счастья, бытия!

Кровяная клюква

Ходит грациозно
На пушистых лапках
Целиной морозной
Ночью куропатка.

Лес шумит и стонет...
Вьётся след цепочкой.
Березняк в поклоне –
Угощайся почкой!

Где-то там за кочкой
Спит во тьме гадюка,
И поманит срочно
Звень последней клюквы...

Снежные перины –
Тёплые постели,
Но поют звериным
Голосом метели.

И с привлёта рыбкой
В снег нырнувшей птице
Человек приснится
С доброю улыбкой...

Лес шумит тихонько...
День едва забрезжит,
Молодой охотник
Скрипом сон урежет.

Он идёт, – в ручищах
Аховая палка, –
Зыркает ружьище –
Тулка-вертикалка.

Болью прожигает
Выстрелов остуда!
Вот и умирает
Северное чудо –

Гаснет взор, и клювик
Белой куропатки
Кровяную клюкву
Выронил украдкой...

Отец Александр Павлович

Старшим группы захвата
Ты в разведку ходил,
Брал живьем супостата,
В напряжении сил.

И заботясь о жизни
«Языка» – не о своей,
Думал ты об Отчизне
В перекрестьях смертей.

Твой удел – земледельца –
Тоже слава не нам, –
Всю-то силу и сердце
Ты оставил полям.

Изработался, хизнул,
Метишь взгляд в ковыли,
Но горюешь о жизни
Беззащитной Земли.

Строго пестуя внуков,
Ходишь в политруках:
«Штыковая наука?..
Лучше встречи в верхах!»

Буриме – городу

**Он такой – без хребта и без норова,
Убивать компраторца не стану я –
Разлюбить его было б здорово,
Как листву отряхая мечтания...**

Буриме – Ветеранам

Будет Вечность поколения кружить...
Эти люди песню не допели –
Рай советский возвести хотели, –
Будут ли достойно их потомки жить?..

Звезда Ноябрьска

В одно и тоже время на земшаре
Мы жили, возводившие Ноябрьск,
Над нами звёзды чистые дрожали
Как девушки, не ведавшие ласк.

Желанье дела, встречное доверье,
Романтика, владевшая людьми, –
И падали безвинные деревья
Под будущие улицы костями.

И шла закладка, – детсады и школы, –
Вколачивались сваи там и тут, –
Подстанции и прочие приколы,
Котлы, задвижки, нужный атрибут.

Росли балки – жилища без балкона,
И «капиталки» возводились в дар,
Схватились в срок профкомы-исполкомы
Делить квартиры и другой товар.

Чтоб наши в НЭП как в лужу не присели,
Явился мэр, заботлив, не гордец,
Асфальт пошёл, артисты, карусели –
Лет за пятнадцать вырос городец...

А где же незахватанные звёзды? –
Растворены в туманную пыльцу,
И ветераны, отгоняя грёзы,
Ладонями проводят по лицу.

И видят свет – восторженно и ясно,
И далеко, и близко, наконец,
Она горит, горит звезда Ноябрьска,
Над добротой молящихся сердец!

Петровские пруды

*Посвящается врачам Петровым –
Сергею и Лилии*

Мы не жалеем глаз,
Любуясь лесотундрой,
Ведет кедровка нас –
«Пернатая полундра».

Шлагбаум – вверх, и вот
Вагончатое ранчо.
Вам грезится ставок? –
Копайте котлованчик!

И есть уже пруды –
Насущность, а не барство,
И много ль в них воды? –
Подпочвенное царство!

Все это СОТ «Мечта» –
Сады и огороды,
Восторги, маета,
И всходы, и невзгоды.

Но тянет же сюда,
Где в банях жар неистов,
Кондовая вода,
И зыбкий берег мшистый

У северной звезды
Выведывая нечто,
Петровские Пруды,
Лелеемая вечность.

Свой дом

*Анатолию Новикову и Анатолию Карякину
посвящается*

Сварщики-высотники, слепя,
Виснут на просчитанных каркасах.
Нагрузил ты камни на себя,
Мечешься, верижник, в ипостасях.

Шли домой монтажники, шутя, –
Кончили полуночную смену.
Ты рванул за призраком дождя –
И увяз в трясину, как в подмену...

Шофера, вцепившиеся в руль,
С важным грузом пролетают гулко,
Катится луна, как чей-то рубль,
Тень твоя блуждает в закоулках.

На работу скоро ли бежать,
Повинуясь утреннему гону,
Не уставший душу вопрошать,
Родину, как дивную икону:

«Где та твердь, зеленый твой сузём,
Вещий холм, чтоб в полюшко взглядеться,
Чтоб срубить в приволье русском дом,
Как часовню тайную для сердца!...»

Памяти электромонтера П. Казанцева

Вгрызался в твердь, ища стрельнувший кабель,
Большой умелец в сращиваньи жил.
И, давший людям свет, ты шел кругами
В фанерный дом, где по-простому жил.

Ты кровь сдавал как безоглядный донор,
Чтоб занять отгулы про запас –
Рвануть в тайгу, в тундровые просторы, –
Ямал для всех странноприимный Спас.

Встречались мы в ландшафтах не однажды –
Ловили рыбку и тропили дичь,
Болотным чаем утоляли жажду,
Пытаясь страсть охотничью постичь.

В костровом свете спел ты на удмуртском
Про речку Иж, про Нижнекамский край,
И пили мы – за родину, за русскость,
За свет в окне, за тот и этот рай...

Ямальские фантазии

Хватаюсь, балансирую
Босой на страшном льду,
А голос твой спасительный
Терзает темноту.

Прорвав сумбур бандюжников,
По склону на юзу,
Песок с листвой разбуженной
Ты бросишь на стезю.

Ступлю на берег, спущенный
Как трап под ноги мне,
А ты уже над кущами,
Явившаяся в сне.

Кошмарность зафутлярится,
Изыдут киллера,
И будешь ты мне нравиться
Сильнее, чем вчера.

Но первый снег истоптанный
Едва ли выдаст след,
Ночная высь пустотами
Выхватывает свет.

Зима... В пимах и варежках
Хожу, как все, дышу,
А ночью... на штурвалище
Мистическом вишу!

Я мускулы подкачивал,
Корпя в своем мирке, –
Я в страхе хворь окачивал,
На дальнем роднике.

Чтоб смочь, в угоду пленникам
Несказанной любви,
Свернуть на потепление
Над белым поселением
Скрипящие рули!

Рыбацкий май

Ручей Нанкпёх
В снегах стезейных
Рулит, не лох, –
Он друг друзейный.

Встал у моста
Ватажник Вова, –
Бурильщик льда,
Поклонник клёва.

За ним братва
Спешит, не дышит –
Держись, плотва,
Под зимней крышей!

Знакомый хруст,
Пошло сверленье,
Для струйных уст –
Пора светленья.

Пескарь удал,
Сочтет не скучным
Подледный бал
Мормышек штучных.

Сорожка враз
Глаза разует,
Вальяжный язь
Закомплексует.

Из темных ям
Послушать сказки
Стремилась к нам
Язи-подъязки.

Не скажут «нет»
Налим и окунь,
Завидев свет
Из круглых окон.

Наш мыт мотыль,
И червь подкрашен –
Разинут рты
Ерши под кряжем...

И тайный вздох
Пошёл как рокот:
Попался мохть!..
Крупняк, по локоть...

Добрей, народ,
Ручей довольный:
Он кислород
Уносит в поймы.

Здоровья, вам
Ловцы-земляне!
«Домой!.. – Вован
Кричит Ивану...

Поклон с Севера

Вахтовики, вахтовики,
Смуглы вы, как моховики,
То веселы, то молчаливы,
На всякий труд неприхотливы –
Нефтяники, газовики,
Строители любой руки.
Вам до работы тыщи вёрст.
Но служит вам воздушный мост,
И на подъём всегда легки,
Куда ни кинешь – земляки,
Рукопожатья, как тиски,
Готовность вестью поделиться,
Тревогой как в исповеданье,
И за оседлых поклониться
России ближней, России дальней...

На конкурс Хокку
(газета «Северная Вахта»)

Вот вам хук! – заходят сбоку.
К нам шпион явился – хокку.
Загогулина.

Пушкин – где? Хореи? Ямбы?
Кто кому копает ямы?
Чешем репу.

Кто есть кто вокруг? Кручина.
Кто лоббистская личина?
Подпишусь-ка на «С.В.»!
Все узнаю из «С.В.»!

Несостоявшееся путешествие

Мы – беспечные ноябрьцы!
Наша гавань нам тесна.
Укусил комар за пальцы –
Белой ночью нету сна.

Мчится ловко, мчится бурно
По горбам кручёных волн
Наша лодка «пяку-пурка»,
К океану под уклон.

Чудо-юдо люди Пяки!
Подарили нам реку,
Мы алкали как собаки,
Променяли им бензин...

Ноябрьские купальщики

Любим озеро Ханто мы!
В тело струйное его
Разогретые фантомы
Рвёмся, словно в торжество.

Родники всю зиму пели
За здоровье горожан,
Собирая сопнопели
В земснарядовый проран.

Стилем русские сажёнки,
С чувством воли среди волн,
Сбросим скрутки напряжёнки,
Мишуру с сердечных форм.

Если ж ты худой и робкий,
Стопы ног щекочет грунт,
Жми на выгонку хворобы
В Андриановский здравпункт.

Там бассейн и минводица,
Милосердное тепло,
Мы ж душой взлетим как птицы,
Рухнем книзу тяжело...

На подходе жёны, дети,
Гнус, летящий «на ура»,
Топот лета, светлый ветер,
И капризная жара.

Ждали: будет год спокойней,
А Кавказ уже в крови...
Зазвонили с колокольни...
Стой! Молчи. Не говори.

Напали на клюкву

Утром, едва развиднелось,
Бросив машины вдоль трассы,
Жители ринулись смело
В благодать болотных раскрасок.

Рассредоточившись в россыпь,
Не веселы и не хмуры,
Взгорки и пустоши просто
Перебегая как куры, –
Клюнуть бы крупное просо! –

Вытянув руки как в глюке,
Как во садочке, без спроса,
Люди напали на клюкву...
Будем радёшеньки!.. – Осень...

Весна заречная

Солнечными спицами
Оживляя твердь,
Наш простор жар-птицами
Зачинает петь.

Небо здоровенное,
День, прогнавший ночь,
Тщится речка Дэнная
Радость превозмочь.

А её сестрицу, знать,
Звать Чукусамаль,
Весело струиться им,
Воплощаться вдаль.

Речка Вынгапурная
Бережёт пески,
Ждёт у края тундры той
Мой бродяжий скит,

Плачет берег линзами
Вечной мерзлоты.
Как люблю Отчизну я,
Знаешь только ты...

Ю. Бабаскину – к рецензиям на его книги

За правый выбор клич бросал,
Как за статью расстрельную,
И стыд не ест ему глаза
Клеврету менестрельному.

Свой интерес он соблюдал,
Когда Россия плакала,
И тройку книг шутя издал,
Писатель псевдознаковый.

В них есть людской материал,
Чины для уважения,
Но разговоров сериал –
Награда за крушение.

Держава пала... жизнь на слом...
«Элита» ностальгирует:
В обломках роясь, хвалят дом
Кроты победы пирровой.

Ликуют, пишут, – их язык
Как месиво обрыдлое,
Нужны ль страницы оных книг
Во время геноцидное?

Там «шьёт» он ближним воровство,
Учитель профанации,
И подчеркнул своё родство
С богатой дальней нацией.

И что там лезть, галиматья,
Мажорно ль годы поданы, –
Писцам придворным Бог судья...
Да Родина запродана.

В городе зябко

Твёрд тротуар наш как фундамент –
«За пятьдесят» – мороз хороший.
И бомж, подобранный ментами,
Как мамонтёнок, в вечность вброшен.

А где людей стена живая? –
Спешат в ларьки её повесы –
«Густеет водка!» – воздыхают, –
Ныряют, бестии, в подъезды.

Их «предки» – в будках и биндежках,
При всех котлах, при всех насосах,
При чёрных трубах вахту держат –
За нефть, за газ, – чтоб без вопросов!

В том краю...

Северяне мрут пилотно,
Отработав срок форсажно.
Вместе с ними в грунт холодный
Их мечты уходят заживо.

Стаж и вклады их украли
Федералы-обдиралы.
Тем не менее, едва ли
Эти люди унывали.

Снится им отъезд астральный:
Пенсион и домик справный
В том краю, где чудно будет, –
Все законно, все по праву.

Смерть – ну кто ж ее осудит? –
Беспощадна к нашим людям,
К тем, кто верит, – счастье близко...
Как бойцу доobelиска.

На изломе веков

Льготный стаж как версию
Отработав вкрай,
Ты идешь за пенсией
В «социальный рай».

В очередь инкогнито
Встанешь у стены,
Шкворнем полусогнутым
В омут седины.

Связь времён нарушена,
Времечко течёт,
Старики-старушечки
Ждут перерасчет.

Сколки поколения,
Отсветы Борьбы,
Сталина и Ленина
Воины Судьбы.

Могикане адовых,
И святых горнил,
Кто же Вас порадует,
Люди-трудодни?..

Делиться радостью

Делиться радостью –
Нелегкое искусство.
Останным хлебом
Проще поделиться,
Последний рубль,
Не глядя, одолжить,

Чем оживить
Привянувшие чувства,
Чем озарить
Скукоженные лица,
Чем вдохновить
Сомлевшего на жизнь.

Пора на пенсию

Там, где дожди долдонят,
Там, где помягче холод,
Купим с тобой полдома –
Радость с отдельным входом.

Будем дружить со всеми,
Тайну храня как дети:
Ту, что мы знаем Север,
Жизнь на другой планете.

Спросят про «длиньность» денег...
Нам бы иметь в запасе
Светлый настрой сновидений,
Красно яичко к Пасхе

Будем молиться будням,
Плакать душой на слякоть,
Кушать стерляжки студни,
Пить родниковку флягой.

Прошлое в бездну канет?..
И какова отсрочка
Нам возле вольной Камы
В ауре гор Сорочьих?..

Приезжий

Я с Чистого Поля поплюю молоко,
Алексеевский хлебец вкушая.
И тропами предков гуляя легко,
Я воздух вдыхать обожаю.

Утихнет печаль и развеется мгла
Над трактом в Сибирь и в Саратов.
Здесь травы густы и роса тяжела –
Алмазинки в десять каратов.

Отрада садов и отвага ботвы,
И Кама с накатом вопросов:
Ты помнишь себя?
Не устал, не отвык,
Мечтатель с душою матроса?

Россияне-северяне

И есть он, Бог, и значит, не напрасно
Три века потрудились на судьбу
Того села, что основал Апраксин –
Засечный пост, и первую избу.

Святитель наш, митрополит Алексей,
Слова какие к небу обращал,
Когда он церковки, и дух, и местность,
И жизнь потомков, в общем, освящал?

Проженный Запад, Юг-Восток калёный
Всегда желают нас завоевать.
Мы за Отечество, за край зеленый
Всегда готовы насмерть постоять!

Ветеран

Ноют раны к непогоде,
Постарел, сутуловат,
К строевой уже негоден,
Но пожизненно солдат.

Так живет – лицом на ветер,
Не склоняясь головой.
За рекой туман заметит –
Вспомнит дым пороховой.

И следит, подобно птице,
Каждый миг за синевой:
Служит внук на той границе,
Где он принял первый бой.

Сельская улица

Мы ромашки любили,
И лужок берегли,
Чернобыл не губили,
И крапиву не жгли.

Как хозяин резонный,
Гастарбайтер сквозной
Гасит наши газоны
Верткой бензокосой.

Этот сервис навязчив –
Отлетают без ног
Заревой одуванчик,
Полевой полынок.

И пустырник, и донник –
Испокон у ворот.
– Заросли как чалдоны! –
Депутат наш орет.

Девясил и бессмертник,
Подорожник-трава...
Взять бы в руки штакетник –
Только где же права?

И будирует нервы
Запах павшей травы,
Будто ты уже первый
На отхват головы...

Буккроссинг

Ты руку протянешь и спросишь
У города что-нибудь так.
И город предложит буккроссинг,
И ты поведёшься, простак.

Книжонки, книженции, книги –
Фривольный придуман обмен,
Не всё ж социальные фиги –
Читай и не плачь, суверен.

И, может быть, так нам и надо,
И рыться в развалах резон,
Коль держат живущих за фалды
Герои убитых времён?

Вон нищий не книгу – булыгу
Под плащ, усмехаясь, сховал,
Майдан затевает интригу,
Готовится челоповал.

«Невиданная быль»

(Ю. Мамлеев, стихи и проза, 2014 г.)

– Сколько стоит эта книга?
Восемьсот сорок четыре?
Кровных жизненных рублей?
Эта книга – не дурнига?
Ох, ты – звездная коврига!
А цена сквозного мига,
А стакан того Эфира,
Где чертожится Мамлей?..
...Ну, налей!..
Ну, Саратовский Арбатец,
Получай посыл симпатий –
Как юннат, готовый прыгать,
Я иду с раскрытой книгой,
Сквозь толпу протиснусь боком,
И неслыханное око
Подмигнёт из горних окон
Мне, сузёмнику из грота...
То-то!

На Карельском фронте

Мой отец, морской десантник,
Пехотинец хоть куда,
Командир – сержант дерзаний,
Гений ратного труда,

Воевал – ходил и ползал
К рубежам и в тыл врага,
«Языков» таскал для пользы –
Для победы, для рывка.

В рукопашных цепкий парень
И бесстрашный на бросок –
Был в живот навывлет ранен
И в бедро наискосок.

– Божий отрок! – доктор скажет, –
Поправляйся, и – вой!
Боль срасталась, словно в сказке,
Двадцать дней – и вновь в строю.

А суомцы? – злы и резвы,
И вражины из вражин,
Русский госпиталь изрежут
Эти финские ножи...

От французов до японцев –
Сколько ж наций шло сюда,
Чтоб затмить над Русью солнце,
Эта вечная орда?

Лишь весной сорок шестого
Он вернулся в отчий край,
Чтоб вступить в сражение снова –
С голодом, за урожай.

Всех друзей погибших помнил,
И за них он прожил жизнь –
В «горбачёвщину» не сломлен,
И не взятый в «ельцинизм»

Мой отец, морской десантник,
Пехотинец хоть куда,
Командир – сержант дерзаний,
Гений русского труда.

Размышления на тему

Красную империю
Расхищали власть
Те хлыщи прескверные,
Хапнувшие власть...

День январский, тихонький –
Снежный мукошей.
Нас в Большие Тиганы
Пригласил музей.

Смерды* пенсионные –
Жить бы, не тужить –
Едем, полусонные,
Память освежить.

Как живёт татарское
На паях село?
Догмы пролетарские
К Марксу унесло.

Партия – ответчица
Выкликает МРОТ**.
Люди всяко мечутся
В поиске работ.

Время цифры, атома –
А и сколько бед!
Сами экспонаты мы
Конченных побед.

Щедрая музейщица
Подливает чай.
Красный флаг трепещется
В душах старичья.

Прошлое шептало нам
Про высокий стиль...
Родине Батталова***
Говорим «прости».

* Смерды – бывшие землевладельцы, простой народ.

** МРОТ – минимальный размер оплаты труда.

*** Батталов С.В. – поэт, писатель, лётчик, участник войны с Японией.

Село Красный Баран

Не аджарцы, не аварцы,
И не шорцы здесь живут,
Здесь кряшены баранджарцы
Освятили свой приют.

Где ордынцы? Где болгарцы?
Разбежались, полегли,
Только наши баранджарцы
Не подвинулись с земли.

Тыщу лет живут, не ропщут,
Среди северных равнин,
Средь полей густых и рощиц,
Медоносных луговин.

Сеют рожь и сено косят,
И о прошлом не грустят,
Терпят власть и Бога просят
За детей, и веру чтят.

Вторит речка – свет и радость,
Баранжой её зовут, –
Вот вам крест, святая правда,
Баранджарцы здесь живут...

А.Н. Бочкареву – 75!

Живет поэт, не распуская юни,
Не ослабляя напряженье дум
О Родине, о предках, о июне –
Когда отец ушел на ту войну.

Ушел отец, и не вернулся с битвы,
А сын рождён в сороковом году...
И пишет сын стихи или молитвы
За близких чад, любовь и красоту.

За свет небес и за дыханье леса
Ответственным по доброй воле стал,
И был бы я работник райсобеса,
Всю жизнь его записывал бы в стаж.

И то сказать – учил почти полвека
Детей сельчан, не выходя за круг
Той местности, где верят в человека
И где куётся славный русский дух.

К нему зайду я по пути с дороги,
Чтоб про дела житейские узнать,
Здоровья пожелать и перемоги,
Стихов и лет пресветлых пожелать.

Весеннее

Поздравляю Мартынову с мартом:
Елизавета, желаю тебе
И цветов, и улыбок, и форта,
Чтоб судьба повернулась к судьбе.

Летняя гроза

Земля и Небо – кто же в старшинстве? –
«Забили стрелку» за элитным станом.
Я чувствовал, в застройках и в листве
Сквозит гордыня как вольтаж подстанций.

И молния!.. И гром!.. И сухотреск!..
Земная твердь ответила лишь эхом,
И знойный полдень поглотал гротеск,
Исчез мираж, сомнамбулизм «отъехал».

Провыли ужас автосторожа,
В осадке злобность псов пород не наших,
Никто не плакал, не скулил, не ржал,
И сдуло мусор с опустевших пляжей.

«Земля» в сети!.. И телевизор стух,
И интернет, – тот вертухальный разум.
За всех молилась прачка и пастух, –
И небеса не разразились градом.

Фингалы туч с проливом пронеслись –
Промчался дождь как племя долговязых.
Смеялось Солнце, свесив ноги в близь –
Найдут ли в поле фазу верхолазы?..

Село Большая Чечуйка

Што пришкольные притихли тополя?
Им видны окрестные поля.
Но не видят путников они,
В интернат спешащей ребятни.

Ось прогнулась, и провисла высь –
Русь хиреет, и терзает мысль –
Снова в сборке СССР, камрад?
...Как был весел бедный интернат!

**Умер Спиридонов А.П. –
заслуженный летчик России**

Ты был штурвальным,
По полю бегущим,
Ты был пилотом,
Небо стерегущим,
Ты был большим,
Веселым, человечным.
Друзья, родные
Помнить будут вечно.

Председателю – 65!

Откуда есть фамилия «Демидов»? –
Есть за Казанью местность, дорога:
Светлы Среднедвятковские виды,
Прекрасны Камы в дымке берега.

В Палате Счетной первый пост для храбрых –
Плуты всегда вынашивают месть.
И казнокрадов трудно брать «за жабры!» –
Тут надо ум и въедливось иметь...

Он помогал бездомным и раздетым –
Трудились люди и не подвели.
Поддерживал спортсменов и поэтов,
Которые являлись от земли.

Он помогал болезным и увечным,
И ветеранам тыла и войны.
Он меценат – такое есть словечко,
Тут все дела понятны и видны.

В благих делах ему не сыщешь ровни,
Он объезжал поля и родники.
С душою строил храмы и часовни,
И это знают, помнят земляки.

Жизнь подкатила к юбилею плавно –
В ней было много схваток и страстей!
Он на Россию потрудился славно
Наш юбиляр – Демидов Алексей.

Тропа здоровья

Зима дымы вздымает, вздымает!
Снега скрипят вживую, вживую!
Что я дойду до мая, до мая!
Замор перезимую, перезимую!

Русская осень

Редеющие, тощие
Деревья у реки –
Обманутые дольщики
Теряют пятаки.

Виновен ветер, кажется, –
Посредник, рвущий медь,
Валить готовый каждого,
Кто хочет пожалеть.

Эдуард Учаров – завлит кафе

Это имя звучит как удар,
Как учаленность чар, фамильное.
Сто пудов подстрекательный дар
Опекать инфантильство субтильное –
Стихотворчество, блин, умильное!

Печальные стихи

Время, строгое как Иосиф,
Рвет денечки мои как листочки,
Отгружая кряжами на осень,
Руша память – былые годочки.

Но изволит зима просветленье,
Невзирая на убыль полениц –
Ублажение утренней ленью,
Запах снега и княжьих вареньиц.

Посменно-коммунальное

Ты живешь в почтовом ящике,
Ждешь тепло родной руки,
А в тебя бросают мячики
Детки, прячась от пурги.

Стихнут, нет ли вихри к вечеру –
Ты исчезнешь поскорей, –
Кочегар, пугальщик вечности,
Зажигальщик фонарей.

Предостережение П.В.В.

«Тары-бары» – Москва базарится,
Пальцы веером – президент.
А тотальная татаризация
Всем готовит секир-момент.

В сиянии снов

Осколок зари –
Парусок свой сгорбатив,
Кораблик – друг детства
Пришел долгожданный.
Под солнцем скитаясь,
Он цвет не утратил,
Во льдах пробиваясь,
Он не был раздавлен.
Я буду как раньше
Его капитаном,
И там, где кочуют
Бессмертные зори,
Мы будем искать
Средь полей неустанно
Хвалынское
Древнее
Синее море...

«Ты вернулся в свой город...»

Деревья выросли, а люди вымирают –
Первопроходцы вздыбленных болот.
Здесь кровь земли качают, добирают –
Там Запад хакает её взаглот.

От чёрных мыслей черепок расклинит...
Схожу в собес с решимостью истца,
И в толчехах контор и поликлиник
Увижу ль свет знакомого лица?..

Встреча в парке

Сей город в ЯНАО –
Он пал на редколесье
Как сон, как НЛО –
И вырос в поднебесье.

«Задумался, старик!» –
Меня такой же «парень»
Толкнет слегка, и вмиг
Мы по рукам ударим.

И он апологет
Былой воды и хлеба,
Молчать сквозь уйму лет
В нескачанное небо.

Река Медведица

На исток с роднёю едем
Через Старые Бурасы.
Ясен день, и ветер светел.
Это Русь – леса и степи.
Но куда ушли буртасы?
И утопали медведи?

«Мы победим!»

Живет в веках село Куркуль –
Всегда готово к подвигу,
Не убоится злобных пуль,
Все демократы побоку.
Наш покровитель – строгий Спас,
Сегодня праздник – Троица.
Я призываю, люди, вас
Любить, творить, и... строиться!

Любовь к Родине

Твоя избушка – клёвая планетка! –
Вращается, ты пьян или не пьян.
Закрутят кедры звездную рулетку –
Молчи и майся, чуткий как голян.

Под нарами капканчики и сети –
Один экранчик в лове, на прокорм.
К приваде в пойму топают медведи,
А руки шарят... пионерский горн!

Затих в кустах хожалый тундры лемминг,
Уставший грызть лежалые рога.
Здесь въявь тайга, и тайна вод, и время,
Непостижимые небесные луга.

Уснул косарь – он звездный свет не косит,
Смирением всевышним мир сморён.
Молчат стволы, и твой сосед по плёсу
В засаде сник, склонясь над винтарём...

Ему приснится пращур в бурой шкуре:
Верхом на мамонта – и наводнение в драйв!
Прогретый Север, ох набедокурит...
Но эти страхи – только до утра.

Утробность ночи хвойно лобызнётся,
И день лучистый поразверзнет пасть!
И «царь природы», обливаясь солнцем,
Сорвёт рябины рдеющую страсть –
Чтоб к берегу рыданьем не припасть...

Отзыв о стихах

Здравствуйте, Василий Александрович!

Ваши стихи за исключением «Волга и флот», «Маме», «Воспоминание о той любви», «Малая родина», «Ямальские фантазии» (из-за объёма) будут опубликованы в сентябре. Раньше не получится. Посылаю текст послесловия, которое я написал к Вашим стихам. Надеюсь, Вы не против. Готов поработать и над изданием Вашей будущей книги. Всего доброго!

Николай

Послесловие к стихам

Я словно вдохнул воздуха камских и волжских излучин, словно постоял, подставив ветру русые волосы, словно вернулся в мятежную юность – таковы мои впечатления от стихов Василия Титова. Спасибо ему и за своеобразный слог, столь непохожий на примелькавшиеся в поэзии стереотипы. И не зудит редакторское нутро, дабы поправить стилистику в строке «Встречались мы в ландшафтах...», поскольку в пространстве, очерченном автором, и ландшафты поэтически убедительны. Возможно, это то, что мудрый и чуткий на русское слово Вадим Кожинов называл самородностью стиха, когда писал о Николае Рубцове.

Эпигонством, вторичностью в стихах Василия Титова и не пахнет. Пахнет рекой... Поэзию, помимо всего прочего, я люблю за лаконизм. В шестнадцать строчек поэт может вместить то, на что прозаику потребуется рассказ или повесть. Вот и в подборке «Стихи из двадцатого века» автор сумел довольно подробно поведать и о своей трудовой биографии, и о своём

жизненном пути. Я уж не говорю о чувствах, эмоциях, о душевном отклике, который рождается у читателя. Не случайно даже название подборки, придуманное самим поэтом. Я, представитель послевоенного поколения, не так давно обнаружил такие строки: «Я останусь в двадцатом веке, // в двадцать первом я лишь умру». О чём говорит это случайное совпадение – ведь мы с Василием Александровичем ещё совсем недавно и не знали друг о друге? Не о том ли, что мы жили в счастливое время, в счастливой стране...

Николай Алешков,
журнал «Аргмак»,
17 марта 2014 года

Водовороты поэзии

Мне впервые довелось встретить поэта, который не гордится своим творчеством и, что самое интересное, не считает поэзию мужским делом.

Такую мысль Василию Титову, ныне жителю нашего поселка, еще в детстве внушил отец, заставший однажды сына за чтением сборника стихов Сергея Есенина. Будучи прирожденным крестьянином, комбайнером, он, отругав мальчика, твердо сказал: «Пустое это занятие, не мужское». И эта фраза, словно напутствие, сопровождает Василия Александровича уже не один десяток лет...

Родился будущий поэт 5 октября 1950 года в Саратовской области в многодетной крестьянской семье. После школы окончил строительное ПТУ и до армии успел поработать плотником. А во время службы на Тихоокеанском флоте все два года был радиомехаником по обеспечению морской авиации кодовыми сигналами, по которым морские самолеты могли на глубине уничтожить подводные лодки. Здесь, на радиостанции, молодой человек загорелся желанием посвятить свою жизнь морю – об этой интересной профессии очень много рассказывал ему его армейский товарищ. Поэтому сразу же после демобилизации Василий написал заявление в Новороссийское морское пароходство с просьбой принять его на работу на одно из морских судов, перевозящих грузы за границу. Но так и не дождавшись вызова (лишь спустя двадцать лет родители признались, что порвали документ, боясь за судьбу сына), закончив Самарский речной техникум, устроился электромехаником на теплоход «Дунайский». На его «попечении» оказались вся электрическая и радиотехническая части – генераторы, двигатели, ра-

диостанции, радиопередатчики и многое другое.

Казалось, дел было невпроворот, но, именно плывая по Волге, будучи оторванным от земли, Василий Александрович, как и другие моряки, предавался мечтам. И именно здесь, на водных просторах, родилось его первое стихотворение, посвященное матери. В 1975 году оно было опубликовано в газете «Большая Волга», и в редакции сразу заинтересовались молодым автором. Однако самому поэту эта творческая стихия оставалась чуждой...

После восьми лет работы на грузовых судах Волжского пароходства Василий Титов вместе с супругой и сыном перебрался на Север, в Ямало-Ненецкий округ. В течение 26 лет, до самого выхода на пенсию, он трудился электромонтером в коммунальной сфере города Ноябрьска. В эти годы стихи стали «посещать» мужчину чаще.

– Они кружились в голове, не давая покоя, и даже в какой-то степени мешали мне жить: я отвечал за систему жизнеобеспечения города, обслуживая водяные скважины, работал с высоким напряжением, и любая ошибка могла привести к серьезным последствиям, – признается Василий Александрович.

– Поэтому, чтобы стихи больше не «приставали», я был вынужден записывать их на бумаге.

С 2007 года семья Титовых проживает в нашем поселке, и на сегодняшний день у Василия Александровича уже около сотни стихотворений на самые разные темы, хотя, по его словам, их было гораздо больше, просто от некоторых удавалось «отбиться». Он по-прежнему не хочет быть поэтом, его хобби – рыбалка, охота и любительское судостроение, которому мужчина научился еще на Севере. За свою жизнь он построил 14 лодок, и две из них – у нас в Алексеевском. Причем делает Василий

Титов эту интереснейшую для него работу не с коммерческой целью, – его одолевает конструкторская мысль, завораживает непосредственно сам процесс строительства, сопровождаемый желанием с каждым разом создать еще более интересную модель. В одном из номеров журнала «Катера и яхты» была опубликована его статья под названием «Алюминиевая самоделка», в которой описывался способ изготовления одной из его лодок вместе с фотографией. Знакомые даже предлагали организовать бизнес, но Василий Александрович в очередной раз отказался от выгодного предложения.

Сейчас он снова проводит время в своей мастерской, занимаясь строительством еще одной, уже пятнадцатой лодки. И единственное, что мешает любимому занятию, – это отсутствие необходимого материала.

И все же, невзирая на столь неординарное, замечательное хобби и препирательства с талантом, Василий Титов остался в душе поэтом. Он даже побывал на родине Сергея Есенина, потратив на поездку свои самые первые отпускные деньги. А когда он попадает в книжный магазин, то просто не в силах пройти мимо полка с поэзией, снова и снова покупает сборники стихов и в свободное время предается чтению. И хотя мужчину до сих пор мучит вопрос: «Зачем простому человеку быть еще и поэтом?» – некоторые из его стихотворений так же, как и первое, по настоянию друзей и знакомых увидели свет. Они печатались на страницах журнала «Сибирские истоки», в литературно-художественном журнале «Ноябрьск литературный», сибирских газетах «Храм» и «Северная вахта». Одно стихотворение – «Россияне-северяне» – было опубликовано в 2010 году в сборнике стихов по результатам конкурса, организованного Пенсионным фондом. А однажды Василий Титов дал почитать свои произведе-

дения местному поэту Александру Бочкарёву, и тот тайком отправил их в литературный журнал «Аргмак», выпускаемый в Набережных Челнах. И все они были напечатаны под рубрикой «Стихи из XX века».

Вот что написал главный редактор этого журнала, председатель Союза российских писателей по Республике Татарстан Николай Алешков в послесловии к его стихам: «Я словно вдохнул воздуха камских и волжских излучин, словно постоял на палубе, подставив ветру русые волосы, словно вернулся в мятежную юность – таковы мои впечатления от стихов Василия Титова. Спасибо ему и за своеобразный слог, столь не похожий на примелькавшиеся в поэзии стереотипы. И не зудит редакторское нутро, дабы поправить строку «Встречались мы в ландшафтах...», поскольку в пространстве, очерченном автором, и ландшафты поэтически убедительны. Возможно, это то, что мудрый и чуткий на русское слово Вадим Кожин называл самородностью стиха, когда писал о Николае Рубцове. Эпигонством, вторичностью в стихах Василия Титова и не пахнет. Пахнет рекой... Поэзию, помимо всего прочего, я люблю за лаконизм. В шестнадцать строчек поэт может вместить то, на что прозаику потребуется рассказ или повесть. Вот и в подборке «Стихи из двадцатого века» автор сумел довольно подробно поведать и о своей трудовой биографии, и о своем жизненном пути. Я уж не говорю о чувствах, эмоциях, о душевном отклике; который рождается у читателя...»

P.S.: А что касается «не мужского дела», так, помоему, если талант есть, то не стоит зарывать его в землю...

Гульнара Каримова,
«Заря», 19.11.2014, №86(8968)

Таёжный корабел, поэт и романтик – Василий Титов

С Василием Титовым встречались и беседовали мы не раз и не два. Мастер слова частенько приносил нам свои литературные творения. Но расхожее и устоявшееся мнение о том, что талантливый человек талантлив, если не во всём, то во многом – нашло подтверждение и в этот раз. Не только поэт Василий Александрович, но и лодочных дел мастер. А ещё он романтик, без памяти влюблённый в тайгу. Но обо всём по порядку.

Родился Василий Титов в Саратовской области. После службы в армии на Тихоокеанском флоте Василий Титов решает прочно связать свою жизнь с речным флотом.

Как и полагается, Василий Александрович встретил свою любовь. Родился сын.

Суровые «девятиностые» проверили то поколение на прочность: надо было выживать, кормить семью. Так и было принято решение о переезде на Север. Но в холодный край Василий Александрович отправился один, на разведку, так сказать. Это сейчас Ноябрьск – второй город Ямало-Ненецкого округа по численности населения, которое, к слову, перевалило за 100 тысяч. А тогда «три дома, да несколько вагончиков-бытовок», – как сказал Василий Александрович.

Так и выходит, что Титов и такие же энтузиасты, как он и стали основателями города Ноябрьск. Василий Александрович своими руками построил и обустроил балок (передвижной домик). Судовой электромеханик по профессии, он с головой погрузился в омут

судостроения. Как, не имея предметного образования, полагаясь на личное стремление и пару книг с описанием строения судна, не просто постичь азы строительства лодок, но и стать профи в этом специфическом ремесле? Одержимость. Пожалуй, этот эпитет, как нельзя точно применяемый к личности Титова, объясняет сей факт. Он одержим. Одержим судостроением, литературой, тайгой. Последняя – самая дорогая ему «азноба». Именно о ней, о тайге, Василий Александрович рассказывает с особым трепетом и любовью. Теплее, по-моему, наш герой отзывается лишь о своей супруге.

«Голь на выдумку хитра». За неимением изобилия, в условиях становления таёжного города, нужно было действовать самостоятельно, не ожидая помощи со стороны. Чтобы устроиться на работу, обеспечивать семью, нужно было закрепиться в округе. Строительство – вот та ниша, где можно было изыскать возможности. Так и пошло. Трудился Василий Александрович на этой ниве. Тем более, навыки и необходимые знания он всё же имел в виду своего образования: за плечами – строительное ПТУ.

Итак, Ноябрьск. 90-е. Город новый. Строится быстро. В перспективе – получение жилья. Василий Титов устраивается на работу по специальности – электро-монтёр. В то время Василий Александрович и построил своё первое пристанище – балок. К зиме перевёз семейство. Сын дивился заснеженным краям и вечно зелёному, даже в окружении снежных хлопьев, брусничнику. Зимовка, по ясным причинам, в тех краях была тяжёлой: и погреба промерзали так, что однажды все горожане остались без запасов картофеля – окоченели корнеплоды.

Но красота тех мест и романтика первооткрывателя сглаживали все обременения таёжной жизни. Может и вдохновение для своих стихотворческих рифм и литературной прозы черпал Василий Александрович именно в пейзажах тех мест... Или от природы даны этому человеку мудрость и поэтичность языка?

Василий Титов с головой погрузился в своё хобби – строительство лодок.

Его легкокрылые, ладно скроенные лодки стали предметом интереса как уже ставших местными жителей, так и людей приезжих. Но на продажу Василий Александрович лодок не мастерил. Всё больше «для души». А сам он ввиду своего пристрастия не раз становился объектом интереса журналистов. Его статьи по судостроению опубликованы в глянцевых журналах. Статьи в местных газетах так же имеются.

Умелый судостроитель и отменный плотник, таёжник-одиночка и любящий семьянин – он покорял тайгу и покорялся ей. В беседе Василий Александрович поведал нам о встрече с хозяином тайги – медведем. Да не одним. Целое семейство косолапых взяло его дом в кольцо. Но ушли с миром. Причиной визита стало то, что местные охотники нередко заманивали этого зверя пойманной рыбой в целях охотничьего промысла. Вот и подобрался медведь к охотничьей избушке. К слову, таких избушек (балков) плотничьим топором Василя Титова на берегах таёжных озёр построено не одна и не две... Была такая мечта у Василя Титова: построить на «простроченных пулёмётными очередями» стрижачьих гнёзд берегах таёжных озёр сразу несколько охотничьих избушек и поставить в кое-каких заповедных местах поклонные кресты, чтобы проходящие мимо всегда могли помо-

литься о здоровье близких и собственной удаче, которая так нужна в суровом северном крае. А избушки – не себе, так другим пригодятся! Особенность тех мест ещё и в том, что чужого там не берут.

– Машину на берегу оставишь, пересядешь на лодку, чтобы до противоположного берега добраться, – рассказывает наш герой, – день живёшь, два живёшь, возвращаешься – всё целое: и авто, и даже горючее в нём!

Не единожды, возвращаясь в свою сторожку, хозяин убеждался в этом.

Большая часть жизни Василия Титова прошла в зелёных тоннелях сосен и кедра, в местах, где медведи с лёгкостью перемахивают валежник, в краю заснеженном сугробами и согретом солнечными бликами на глади лесных озёр. Но судьба – штука загадочная и редко когда предсказуемая: переехал на «пмж» Василий Титов с супругой к нам, в Алексеевское. Медведей не водится, зимы мягче, а по весне сады заходятся белоснежной целеной цветения... Только вот в беседе с такой теплотой и трепетом вспоминает Василий Александрович свою тайгу, что его собеседнику в ту же минуту хочется сесть на поезд и укатить к тем самым кедровым лабиринтам, в край брусники и рыбного изобилия, хоть разок взглянуть на амфитеатры берегов таёжных рек и озёр... Можно представить, какую бы экскурсию организовал для нас этот судостроитель, мастер с золотыми руками, таёжник-рыболов и знаток литературного слова. Вот сколько ипостасей у нашего «теперешнего» земляка!

А ещё Василий Титов – неисправимый романтик. Романтик, без памяти влюблённый в тайгу и тоскующий по одной единственной несбывшейся мечте: на своей одномоторной лодочке переплыть Камское Устье...

P.S.: Уже живя в нашем поселке, наш герой обнаружил в себе еще одно пристрастие: он занялся коллекционированием топоров. Его коллекция «от древности до современности» несколько месяцев выставлялась в нашем «Музее родного края»... Но это уже, как говорится, другая история.

Ирина Моница, «Заря», 27.10.2018

Алексеевские поэты приняли участие в литературном конкурсе «Хижицы-2017»

Алексеевские поэты приняли участие в литературном конкурсе «Хижицы-2017», вплотную подойдя к финалистам. Об этом нам рассказал алексеевский поэт Василий Титов.

– Данный литературный конкурс проводился в честь первого русского романтика, создателя первой героической баллады «Громвал» Гавриила Каменева, – говорит поэт. – Он жил в XVIII веке и являлся известным литератором, с ним были в знакомстве многие видные деятели того времени, например, историк Карамзин. Будучи в Казани, хорошо о нем отзывался Пушкин, утверждая, что он многое сделал для русской литературы. И этим конкурсом литературное кафе «Калитка» Центральной библиотеки Казани отдает дань памяти полузабытому земляку, бывшему в своё время бургомистром Казани. Свои работы прислали почти сто участников со всех концов страны. В финал удалось пройти лишь двадцати двум поэтам, представившим наиболее яркие работы. Как сообщил нам организатор конкурса Эдуард Учаров, стихи о Казани, которые написал я и стихи Александра Бочкарева, понравились жюри, – отметил поэт.

«Заря» 29.10.2017

Ноябрьские корабли

Человек вышел из воды, к воде и стремится

Купить лодку в первые годы существования Ноябрьска было невозможно. И не только ее, даже кружку с ложкой в продаже было не найти. Все необходимое везли с собой. А чтобы осваивать окрестности поселка, стали изобретать самодельные вездеходы на надувных камерах, лодки разнообразной конструкции... Новоиспеченные ноябряне сразу же задумались, как им осваивать местность, как пройти по тундре, по речкам, озерам. О первых корабелах нашего города рассказал мне один из них – Василий Титов. А я решил напомнить о них нашим читателям. В расчете на то, что и читатели напишут нам об увлеченных людях, которых очень много в нашем городе.

Человек вышел из природы, вот его туда и тянет, как на историческую родину.

Неоднократно в первые годы освоения этих мест на берегах безымянных водоемов попадались охотникам, рыбакам останки мини-лодочек. Каркас делался из тонких деревянных реек, корпус обтягивался черной изоляционной пленкой. Встречали такие конструкции на берегах озер в районе аэропорта, между Ханто и рекой Янга-Яхой, около ДНС-1, 3, КС-1 и в других местах. Лет двадцать спустя в разговорах выяснилось, что делал их, видимо, Григорий Литвин. Это были его лодочки. Собираясь по весне в очередное путешествие, он всякий раз конструировал новое такое плавсредство, весившее всего 5-7 килограммов. Брал его он «на поводок» и тащил за собой по тропам и болотам до водоема, как собачонку. Был ли он первым корабелом в Ноябрьске? Наверяд ли. В окрестностях Ханто встречалось

большое количество останков разных плавучих средств: плоты из бревен, досок, фанеры, вагонки, пенопласта и даже алюминия и железа.

В те времена можно было встретить также двух мужичков-белорусов, охотившихся на протоках, потому что озера и заливы были уже подо льдом. После каждого гребка веслом их лодочка не плыла, а летела вперед! Это был настоящий шедевр искусства – каяк, обтянутый американской блестящей изоляционной пленкой. Каркас длиной не менее четырех метров был продуман до мелочей и выполнен технически блестяще. Белорусы признались, что совершенствовались в изготовлении подобных лодочек еще на родине. Поохотились, закинули рюкзаки за спину, ружья – на плечо, подхватили свое плавсредство и пошли по льду через Ханто, навстречу зиме, в город Ноябрьск.

В следующий раз на этих же протоках можно было встретить другого корабела. А за спиной у него... кровать-раскладушка! Оказывается, он ее немного модернизировал и пользуется как лодкой. Подходит к реке, раскладывает раскладушку, переворачивает ногами вверх, надевает на дужки водонепроницаемый чехол, спускает на воду, в руки берет весла-гребки – и пошел! Преодолевал преграду, все снова сложил. Так он ходил охотиться на гуся весной и осенью.

А вот однажды, в день открытия охоты в конце августа, можно было наблюдать, как в сторону Ханто двигалась целая процессия по только что уложенным плитам. Трое мужчин сосредоточенно толкали впереди себя то ли лафет, то ли платформу от компрессора. На платформе – сложное сооружение, чудо инженерной мысли. Это сооружение при помощи мускульной силы и весла может передвигаться и даже перемещать груз по воде.

В те годы на озере Ханто (в это трудно поверить!) можно было увидеть даже парусное судно! Кто был этот романтик, к сожалению, так и осталось неизвестным, но парусник появлялся на озере не один раз и много лет подряд.

В одной только организации «УТВиК» (сегодня ОАО «Энерго-Газ-Ноябрьск») насчитывалось около десятка своих разного профиля кораблестроителей. Однажды автор воспоминаний увидел почти готовую, но брошенную алюминиевую лодку во дворе дома по адресу: Мира, 1. Эта лодка была прямо нашпигована инженерными решениями. Видимо, это перенасыщение деталями и решило ее судьбу. На плаву она оказалась тяжеловатой. Позже на реке Вынгапур он познакомился с молодым, отважным таежником, который и рассказал, что эту лодку по его заказу строил знакомый с инженерно-строительным образованием, но без опыта сооружения плавсредств.

Выдающийся зачинатель ноябрьского кораблестроения – Сергей Червяченко. Примерно в 1983-1985 годах прошлого века из ДСП и ДВП создал «матрицу» для изготовления пластиковых лодок катамаранного типа. Подходили зеваки и просили: «Сергея, продай лодку!» А он шутил: «Болван, это же «болван», а не лодка!» Все смеялись. Но автор раздобыл эпоксидную смолу, стеклоткань (мешки из-под кварцевого песка) – и работа пошла! Сначала «матрицу» полируешь, намазываешь мылом, чтобы стеклоткань не прилипла к основе, а затем обтягиваешь в три слоя, покрывая каждый из них эпоксидным клеем. Лодка получалась прекрасной на вид, но из-за тяжеловатой мешковины хороших ходовых качеств не проявляла. Сергей на этом не успокоился. Где-то раздобыл про-

фессиональный чертеж другой лодки, уменьшил его в процентном соотношении до необходимых размеров и построил изящный деревянный каркас, который обшил алюминиевым листом, а для герметизации применил липучую ленту, которая использовалась при строительстве домов киевского проекта.

Разносторонним корабелом, который построил в то время не менее пяти алюминиевых лодок, был Василий Кухтик. Его главная цель – грузоподъемность и максимальная скорость при водоизмещающем режиме. Все его изделия имели устремленно-хищное выражение. Одну из своих лодок он так и назвал «Щука». Самая первая лодочка у него была такая непоседа! Прибавишь газ – она из-под водителя так и рвется в небо! Один из крепких ноябрьских таежников по имени Миша как увидел, так, можно сказать, и запал на нее. Он уговорил хозяина поменяться на заводской водоход «Ока». А непоседа – она и есть непоседа! В результате кораблекрушения где-то на Еты-Пуре пошла ко дну, а вместе с ней – снасти, ружья, рюкзаки с рыбой... Хорошо, хоть люди спаслись. Вдыхай не вдыхай, а за риск корабелы свои детища и любят.

Петр Владимирович Казанцев и Юрий Степанович Грузных были друзья – не разлить водой. Первую свою лодочку построили за три дня. Им помогали жестянщики-слесари, которые в то время монтировали вентиляцию в «Цехе здоровья». Делали вентиляцию, а в перекурах давали советы, как соединить листы алюминия «в замок». Один из данных судостроителей был блестящим сварщиком-паяльщиком. Чтобы исключить попадание влаги, швы были дополнительно пропаяны. Лодочка получилась небольшая, но достаточно вместительная, надежная, а на ходу даже несколько нагловатая.

Второе их детище было уже посложней. Уменьшенная копия проекта заводской лодки «Днепр». В момент завершения постройки встал вопрос, где взять алюминиевый тавр для изготовления килья. Обратились к конкуренту, который в это время делал устройство для изготовления заклепок. Конкурент запросил ни много ни мало – два немецких алюминиевых листа размером два метра на полтора. Тавр добывали там, где сегодня находится Ледовый дворец. Раньше на этом месте красовалась залитая льдом площадка и стояло устройство для очистки снега. Между алюминиевыми уголками натянута была транспортерная лента. И вот два взрослых дяди ночью, дрожа от страха и стыда, что приходится воровать, крутят заржавевшие гайки. Первый раз бросили – не хватило терпения. И только со второго раза дело было сделано – киль получился отменный!

Лодка вышла красивая, но «рысковая» в ходу и по маневренности тяжеловатая. Однажды они возвращались с рыбалки с хорошим уловом, и ниже моста через Хана-Яху решили перескочить через бревно. Киль-то у лодки был крепкий! Лодка взбрыкнула: рыбаки, улов, вещи – все оказалось в воде. Малосол в фанерных бочках позже выловили чуть ниже по течению, а вот ружье нашли не сразу. Глубина три метра, течение, топляки, коряги... Один упирал связанные вместе дюралевые весла в дно, а другой нырял в ледяную воду, держась за них, как за шест.

В другой раз на этой же лодке рыбачили в протоке, ведущей в Песчаное озеро. Попутно поставили сеть. Потом спустились ниже по течению, нашли место для ночевки, подкрепились. Вспомнили про уху и поехали проверять сеть. Шли против течения, уворачиваясь

от низко нависших над руслом реки ветвей. Черемухой, смородиной, ольхой пахло так, что темнело в глазах. На очередном повороте не успели пригнуться и оказались в воде оверкиль. Еле выбрались на берег. Неоднократно потом хозяева пытались поднять лодку со дна реки, но не могли точно определить место кораблекрушения.

У одного из вышеназванных судостроителей была мечта – построить фанерный легкий каяк, чтобы подниматься с шестом по разливам до озера Подкова. Уже были приобретены длинные певучие рейки из восточносибирского кедра, а вот достать водостойкую авиационную фанеру так и не удалось. К сожалению, ни Казанцева, ни Грузных уже нет в живых – умерли в один год.

Александр Скороходов построил три металлических и две пластиковые лодки. Правда, он чаще выступал как организатор, как помощник или заместитель то одного, то другого главного судостроителя. Одно из его изделий – каркас в виде трубы, обшитый дюралевым листом при помощи заклепок. Но все же рыбаки помнят другую его алюминиевую лодку, которая ходила под мотором «Москва». Норовистый ход, хищное, как у баклана, носовое устремление... В результате ошибки экипажа она тоже потерпела крушение и поныне покоится на дне в устье Директорской старицы на Пяко-Пуре.

Николай Георгиевич Артемьев является одним из пионеров судостроения в Ноябрьске. Отлично разбирается в чертежах.

Хорошая лодка получилась у него, когда он взял проект из журнала «Катера и яхты» и усовершенствовал его. А первую свою лодку сделал из пенопласта,

обтянутого черным брезентом, который выписал якобы для того, чтобы сшить чехлы для духовых инструментов. Для ее изготовления он первый применил пульверизатор. Через него наносил эпоксидный клей, разбавленный ацетоном. Под мотором эта лодка никак не хотела ходить. Тогда с нее сняли мотор и взяли на буксир. Но она и так упиралась, как упрямая ослиха. Однажды ее повесили на осине, чтобы забрать на обратном пути. Но так и не забрали – возвращались другой дорогой. О судьбе ее ничего не известно, кроме того, что незадолго до этого она была продана за 100 рублей, и деньги пришлось возвращать. Вот такая судьба лодок, которые плохо ходят. В настоящее время Николай Артемьев проживает на Алтае, где соединяют воды Бия и Катунь. Он развил там бурную судостроительную деятельность, имеет известность, участвует в конкурсах и получает за свои инженерные решения в малом судостроении призы. Артемьев разработал несколько проектов, и у него много заказов. За пару недель он может сделать хорошую лодку.

Один из первых, кто построил вездеход на «пневматиках», – Геннадий Фокин. Он был хорошим организатором. Создал для любителей судостроительную верфь – двухкомнатный теплый блок для работы, общения и консультаций. Он тоже построил алюминиевую лодку, которую друзья окрестили «Красавицей». Из-за склонности к комфорту (лобовое стекло, мягкие сиденья) ход у лодки был вальяжный, грузовой. Он же сделал профессиональную «матрицу» и построил с ее помощью позже еще одну отличную пластмассовую лодку.

Василий Титов, несомненно, является лидером среди ноябрьских корабелов. О нем писали в газете, в

журнале, показывали по телевидению. Он построил не менее десяти алюминиевых лодок. Профессионал, совмещающий теорию и практику. Исповедует в лодках скорость, транспортабельность, экономичность расхода топлива, живучесть и безопасность. Из-за выхода на пенсию два его «космических» проекта (лодки из титана) остаются пока незавершенными. Но он мечтает построить самые легкие и самые плавучие лодки в Ноябрьске.

Самодельные лодки строят во всем мире. Почему их начали делать в Ноябрьске?

Сначала не было в продаже. Желание вообще что-либо эксклюзивное сделать своими руками. Много было романтиков. Где брали материал? Стеклоткань – на стройке. Эпоксидную смолу – на предприятиях у буровиков. Однажды выбросили около сотни килограммов смолы на мусорку в районе, где сейчас находится магазин «Экспедиция». Алюминиевую жечь тоже брали на стройках. Например, строится поликлиника, на козлах рулоны с алюминием. Подходишь к прорабу или бригадиру, договариваешься. Он говорит: «Отматывай, отрезай, сколько унесешь на горбу». Однажды к нам в «судоверфь» приходят плотники из СУ-72 и спрашивают:

– Вы строите лодки? У нас осталась алюминиевая жечь. Ставьте литр за доставку, сейчас привезем.

Но это был алюминий низкого качества. Настоящий шел со строительных плит. Трудности были с уголком. В дело шло все: ножки от раскладушек, лыжные палочки, уголок от детских санок...

Одна из главных причин неуспеха – ограниченный выбор лодочных моторов. По сути, для всех лодок в продаже был только один мотор – восьмисиль-

ный «Ветерок». Бывало, сделаешь отличную лодку, а плавать она не ходко. Оказывается, ее конструкции просто нужен был соответствующий мотор.

О людях. Двое (Кухтик и Литвин) до приезда сюда работали в Восточной Сибири (Енисей), а Грузных сам родом с Енисея. Фокин участвовал в освоении Шпицбергена. Артемьев был музыкантом, композитором, режиссером, директором, пресс-секретарем. У Грузных – два диплома о высшем образовании. Титов имел три профессии, среднее специальное образование, писал стихи. Казанцев работал в иностранной фирме. Фокин был начальником цеха, ведущим специалистом в конструкторском бюро, имел высшее образование. Червяченко работал на военном заводе электронщиком 7-го разряда, в настоящее время – предприниматель. Талантливые люди – ноябрьские корабли.

Записал Константин Тигов,
«Северная вахта» 23.04.2009, № 70

Возможности для рывка

В статье «Где найти бренд?» («СВ» от 3 марта 2007 г. № 33) Николай Адвахов предлагает переименовать наш город и назвать его Жемчужный. Честно сказать, меня это потрясло! Считаю, что имя у города есть, оно единственное и правильное.

Лично я осознал это тогда еще, в ноябре 1981 года, когда и статуса города не было. Со мной вместе осознали это сотни и тысячи первопроходцев. Многие из них, кстати, живы и город не покидали. Не мешало бы спросить их мнение. А заодно вспомнить и про тех, кто похоронен на двух городских кладбищах. В общем, город есть, имя у него есть. Вот только бренда не хватает.

Известно, однако, что, закладывая город, некоторые партийные боссы мечтали построить здесь гигантский лыжный трамплин. Было бы здорово. Но, видимо, не судьба. Другие «изваяли» пожарную каланчу, телепорт. Но я категорически против таких брендов.

Изображать ли здание администрации? Думаю, тоже не стоит. Во-первых, потому что мы живем в условиях демократии, чьим символом оно не может быть. Во-вторых, потому что власть постоянно меняется. К тому же это здание бывшего горкома КПСС... Нежелательно.

Должен ли бренд нести в себе идеи православия? Мне кажется, это соответствовало бы запросам сегодняшнего дня. Кстати, в свое время один из главных строителей храма А.Е. Новиков предлагал конкретизировать название города: Ноябрьск-Михайловский. Тем самым выразить упование на поддержку нашего покровителя. Уж тот бы постарался за нас... Но люди оказались не готовы к столь решительному шагу из

коммунистического прошлого, к таким аллегориям. В результате мы имеем то, что имеем.

Вероятно, в природе уже существует некая смысловая концентрация будущего бренда, только не надо торопиться воплощать ее в образы. Город растет. Его надо обустраивать, модернизировать, улучшать условия проживания в нем. Заботиться о культуре, духовности содержания жизни. Возможности для рывка в будущее у города есть.

Василий Титов,
«Северная вахта», 12.04.2007, №59

Лицом к лицу

«Море зовет, волна поет, а мы такие разные», – напеваю про себя известную песню на свой манер. Разные по профессии, но по духу путешественника – родня. Иначе не собрались бы в неблизкое плавание с ночёвкой, жертвуя свое нежное тело комарам. Крутая волна бьет в борт «корабля». Встречный ветер. Мотор ревет. Скорость невелика. «Сузуки» – епона-мать – кляча водовозная, а не мотор, – беззлобно бурчу на японское толкательное чудо. Что тебе на веслах!

– Не оскорбляй наших дальневосточных друзей, – встал стеной защитника Василий Титов, – загруженность лодки вдвое превышает возможности мотора.

Что называется, съел. И не поспоришь. Василий Александрович Титов в охотничье-рыбацких кругах личность известная, если не легендарная. Сам конструирует и делает лодки. Нас везет «Ноябрьчанка-10». А на стапелях в его двух гаражах в стадии завершения еще две лодки, причем из дорогого титана. Его изобретения печатались в журналах «Рыболов и охотник». Есть патенты на них. А еще он краевед, путешественник и поэт. Третий – Костя Тигов. Практически на Иртыше вырос. А кто на берегах великой реки не рыбак и не охотник? В краеведении тоже не прочь покопаться – найти корни: кто, где, когда заселял наши сибирские необъятные просторы. Он журналист. Я тоже, правда, бывший. Ловлю себя на слове: а бывают бывшие журналисты? Если рыбы не наловим, то пообщаемся.

Вот уже полчаса тараним резиновый воздух к противоположному берегу озера «Ханто». И вот протока Хана-Яха, соединяющая «Песчаное» и «Серое» озера,

уходит дальше на север собирать свои воды. Извилистой улочкой катит меж камышей. То там лиман, то там лиман (расширениерусла). Словно приставучие комары облепили лиман рыбаки на резиновых лодках. Мысленно раздаю им поклон за мужество. На «резинке», на веслах три километра против ветра и волны грести – силу и мужество надо иметь. Но что может рыбака удержать? Камни с неба, или землетрясение? Таскают сорожку. «Клев есть!» – торжествуем мы. Проплыв немного дальше, Василий причалил лодку у двух небольших островков.

– Кто останется рыбку половить, – Титов внимательно смотрит на нас. Мы переглянулись.

– На спиннинг берет?

– Не знаю. Лучше на удочку.

– У меня удочки, я и остаюсь, – и Костя сошел на берег, прихватив только червей. Остальной груз и меня Василий повез на стоянку, чтобы, выгрузив нас, вернуться за Костей и поставить сети.

Входим в зеленый тоннель из кедра и елей. И одурманивающий знакомый аромат бьет в нос. По берегам белым-бело от цветущей черемухи. Восторженно восклицаю, что месяц назад купался в весеннем белоснежье, находясь в кратковременном отпуске. Вот снова – весна! Василий улыбнулся и философски рассудил: «Разделишь отпуск на части и встретишь либо две весны, либо два лета, или две осени...». Чур, меня, чур. Только не надо две зимы – не переживем!

Тарахтим дальше. «Где-то здесь не то избушка, не то землянка Федора Арико, – показывает в сторону прибрежных зарослей Василий, – от снега до снега живет здесь. В город и носа не показывает. Превратился в экзотическую фигуру, что журналисты его

навешают. Отсняли его «берлогу» со всех ракурсов. Образ жизни отшельника расписали в романтических тонах. Каждому свое!»

Приплыли. Выгрузили вещи. Сколько их: и бензин, и вода, и запасной мотор. И прочая всячина. А я-то на мотор грешил. Осталась «Ноябрьчанка» налегке.

– А чего ты ее «Ноябрянкой» не обозвал?

– Я не филолог с «Мига», но понимаю, как она бы прозвучала бы из уст человека, не выговаривающий букву «р», – Василий лукаво улыбнулся и тут же распорядился, чем мне заняться в их отсутствие. – В пятидесяти метрах домик.

Домик? Да здесь целая усадьба. Кроме крепко срубленного строения с застекленной верандой, есть и баня, и навес над большим столом. В домике широкие нары. На них диванные матрацы. Одежды всякой. И прочего, прочего добра. Настоящее зимовье. Позже Титов нам расскажет историю создания стоянки. Облюбовали эти глухие места два товарища: Сергей Витер, журналист, и Сергей Костырев, председатель горспорткомитета. Подтянулась к ним еще парочка энтузиастов, и построили на этом месте домик. Когда-то на этом месте был высокий сосняк. Выгорел он. Вот из него они и соорудили стены. Как им удалось доставить доски и прочий материал – история умалчивает. В то время договориться с вертолетчиками не было проблем. Почему бы и не скинуть попутный груз хорошим ребятам?

Экскурсию по таежной усадьбе провел (кругом болота и урман), вещи стаскал, сушняка для костра нарубил. Жарко, не то, что на реке. Пошел блеснить. Кинул блесну раз, кинул два, на третий раз закинул на противоположный берег. Зацепился крючок за ко-

рягу. Все: одна снасть отдыхает. Принялся налаживать удочку. Тьфу – червей дома забыл. На колбасу не клюет, попробовал на хлеб. Но тут приплыли мои товарищи. Костя огорченно вздохнул: «Черви протухли. Жара!». Перекусили в домике, отдохнули в тени. Пора сети проверять да уху варить. Теперь Костя остался за хозяина, сторожить усадьбу. А мы поплыли дышать свежим воздухом и черемухой. На первой же минуте Василий сдался, уступив мне место рулевого. Здорово повелевать лодкой на крутых загибах реки: ни дорожных знаков тебе нет, ни ГАИ. Душа поет!

А дальше как обычно у рыбаков: костер, уха, разговоры. Была бы гитара – песни бы не помешали. Ничего нового застолье еще не придумало. В городской квартире за праздничным столом о чем говорим? О работе, о рыбалке, о грибах и охоте. А на реке о чем? О чем угодно, но не о рыбалке. Мы, литераторы, доказываем друг другу, что такое настоящая литература. И лилось это большой словесной рекой, что Василию надоело слушать «умные» речи и он пошел посмотреть на пристань: все ли там в сохранности. Как Титов уходил, и куда – мы видели. Когда вернулся – просмотрели.

– Где это Василий ходит, поди, уплыл сети проверять, – спохватился Костя, – сходим к лодке?

– Пошли!

Идем. Громко разговариваем. В десяти шагах над бугром возле реки «образовалась» медвежья морда. Ну, Василий, пошутковать решил (подумал, отыскал в хламе домика медвежью морду-мумию и решил попугать). Хотел только сказать: «Вась, открой личико!», – как из-за бугра появилась мохнатая грудь и настоящие медвежьи лапы. Уставился на нас. Не рычит.

Только повернул голову назад, как из-под реки стрелой выскочили три медвежонка и понеслись в тайгу, перемахивая валежник. Через одну-две секунды за ними сиганула и медведица. Вот это скорость увальней, какими казались на картинке и в кино медведи. От них и сам великий спринтер Валерий Борзов вряд ли бы удрал. Эх! Приняли бы с Костей по килограмму водки на грудь, мы бы ей показали: морду бы набили, ребра переломали. А с малышами в песок поиграли. Но, а коли принято было в десять раз меньше, то какое-то время пребывали в естественном оцепенении. Испуга пока нет. И первый вопрос: что с Василием? Вооружившись увесистыми дубинками, подкрались к лодочной стоянке. «Побоища» не видно. Говорю Косте, что медведи летом на людей не нападают, если ничего не грозит их малышам. А они убежали и вряд ли вернуться. Покликали Васю. Но без толку. Прошлись по берегу. Может, он другим путем вернулся? Пошли назад. И точно, Титов сладко спит на нарах. Чтобы избежать «медвежьей» болезни, выпили по полстакана водки, закрыли плотно дверь и улеглись спать. Избежав покуса медведицы, компенсацию восстановили комары. Утром наши лица и руки были изжалены так, как будто всю ночь нас хлестали крапивой.

Александр Гребенёв.
«Старое ружье», Тюмень, «Вектор Бук», 2009

Содержание

Автобиография.....	3
Мечтатель с душой матроса.....	4
Стихотворения.....	15
Отзыв о стихах.....	161
Водовороты поэзии.....	163
Таёжный корабел.....	167
Алексеевские поэты приняли участие в литературном конкурсе.....	172
Ноябрьские корабли.....	173
Возможность для рывка.....	182
Лицом к лицу.....	184

© Литературное агентство В. Смирнова, 2022

ТИТОВ ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
КРОВЯНАЯ КЛЮКВА

Редактор В. Смирнов
Макет, верстка В. Мисюк

Отпечатано в ООО типографии "Полиар"
445020, г. Тольятти, ул. Родины, 36а.

Заказ № 49

Подписано в печать 15.02.22

Формат 60x84 / 16

Бумага офсетная. Печать оперативная

Усл. п.л. – 14

Тираж 100 экз.

